

ВОЕННО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

КОМАНДИР ШТРАФБАТА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Я из СМЕРШа

Юрий Корчевский
Командир штрафбата

«Яуза»

2012

Корчевский Ю. Г.

Командир штрафбата / Ю. Г. Корчевский — «Яуза», 2012 — (Я из СМЕРШа)

Фантастический боевик от автора бестселлеров «По машинам! Танкист из будущего» и «Волкодав» из будущего! Наш современник на Великой Отечественной войне. «Попаданец» на передовой Истории. Он думал, что прошел все круги фронтовой преисподней – был танкистом и разведчиком, бойцом Осназа и «волкодавом» СМЕРШа: защищал тылы Красной Армии от дезертиров и «паршей» (вражеских агентов-парашютистов), охотился на диверсантов, громил лесные банды, отстреливая бандеровцев как бешеных волков. Но все это было лишь чистилищем – что такое настоящий ад, он узнает, став командиром штрафбата и получив приказ любой ценой взять неприступную высоту...

© Корчевский Ю. Г., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Корчевский

Командир штрафбата

© Корчевский Ю. Г., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Самоходчики

Ну что же, выбирать не приходилось, на службе приказ не обсуждают, а исполняют. Конечно, хотелось бы вернуться на старое место службы, где знают меня, где знакомы командиры воинских частей.

Добираться пришлось на перекладных, поездами и попутными машинами. Учитывая, что пассажирских поездов практически не было, а шоссейные дороги представляли собой лишь направления, разбомблённые нашими и немцами, раздавленные гусеницами бронетехники, сделать это было непросто.

На железнодорожных станциях отоваривался по продаттестату. Кормили скудно и невкусно: жиденький супчик, перловая каша на воде, почти прозрачный чай и липкий чёрный хлеб. С голодухи не помрёшь, но после такой еды чувствуешь себя голодным. На фронте, на передовой, в действующих частях нормы на питание были немного повыше, кормили сытней, да и во время наступления частям доставались трофеи.

Сергей ещё помнил первые месяцы войны, когда у немцев харчей было много, да какие! Со всей Европы вина, консервы. Ныне хуже, скуднее стало снабжение: кофе – эрзац ячменный, хлеб – как вата. Но тушёнка оставалась вкусной, – видно, довоенные запасы.

Наших бойцов часто выручал «второй фронт» – так в частях называли американскую еду, поставляемую по ленд-лизу. Консервы: тушёнка, консервированная колбаса, мясные паштеты – даже яичный порошок. Солдаты метко прозвали его «Яйца Черчилля». Стоило развести его водой, а лучше молоком – и на сковородку, как получался замечательный омлет.

В Киеве он задержался на день. После освобождения от немцев и штурма нашими войсками город был разрушен. На главной улице Киева, Крещатике, стояли, зияя прокопченными оконными проёмами, сгоревшие дома.

Удивило, как много местных жителей появилось в городе после освобождения. Исхудавшие, в обтрёпанной одежде, напоминающей иногда рубище, они бродили по городу в поисках пропитания и приюта. Я бывал не в одном освобождённом городе и почти везде видел одну и ту же картину.

Раньше, до войны, Киев был не только столицей Украины – здесь размещался штаб Киевского особого округа. В городе также размещалось управление НКВД и прочие службы.

Сергею предстояло найти УКР СМЕРШ. Местные жители не слыхали о таком, а военные лишь пожимали плечами.

– Товарищ майор, я сам сюда неделю как прибыл, а завтра убываю со своей частью – не знаю.

Пришлось искать военного коменданта. Изучив документы Сергея, он сказал:

– Так они не в Киеве, ОКР СМЕРША в Проскурове расположен. Подожди-ка, майор. По-моему, в Проскуров машина идёт.

Комендант вышел из комнаты и вернулся довольный.

– Ну, я же говорил – машина идёт. Во дворе «ЗИС» грузится, я уже предупредил, чтобы тебя взяли.

– Спасибо!

– Не за что, одно дело делаем.

Погрузку каких-то мешков уже заканчивали. Сергей перекурил, греясь на солнышке.

Наконец в кабину уселся худощавый интендант с кипой разных накладных в руках и водитель. Он посигналил, и Сергей влез в кузов, устроился на ящиках.

Трясло сильно, и он вынужден был держаться за крышу кабины, чтобы не выпасть из кузова. Дороги были просто отвратительными, мало того – забитыми войсками. Колонны грузовиков с солдатами, пушками на прицепах, гусеничными тягачами и танками шли по дороге в два ряда. Редкие встречные машины ехали по обочине, а то и просто по полю.

Всё это скопище техники ревело, пылило нещадно и гадило выхлопами. От едучего запаха солянки щипало в глазах и носу, першило в горле.

Сергей с тревогой поглядывал на небо. Не дай Господь, немецкие самолёты появятся, а укрыться просто негде. Однако сейчас был не июнь сорок первого года, и немцы уже не имели тех сил и той наглости, когда позволяли себе на «мессере» гоняться за одиноким солдатом. Да и наши истребители и бомбардировщики иногда мелькали в небе.

Но всё когда-нибудь заканчивается.

Они прибыли в Проскуров. Водитель остановился на перекрёстке.

– Вам туда, товарищ майор! – он махнул рукой, указывая направление.

Сергей спрыгнул с машины и поморщился – ящиками весь зад отбило.

Здесь, в Проскурове, ОКР СМЕРШ нашёл быстро. Часовой на выходе проверил документы.

– Проходите.

– Где начальника найти?

– Так нет его, уехавши они. Заместитель его на месте, Глина Израиль Ильич.

– Спасибо.

Сергей прошёл в здание, нашёл кабинет заместителя начальника, постучал.

– Войдите, открыто!

Войдя, Сергей прищёлкнул каблуками, приложил руку к фуражке.

– Здравия желаю, товарищ полковник! Майор Колесников, представляюсь по случаю прибытия на место службы.

– Эка официально! Да и каблуками щёлкать у нас не принято. Садись, майор. Пакет с собой?

– Так точно!

Полковник поморщился.

Сергей достал пакет с документами, сам уселся на стул.

Полковник осмотрел сургучную печать и вскрыл пакет. В общем-то, ничего особо секретного там не было – приказ о его переводе в УКР СМЕРШа Первого Украинского фронта, подписанный самим Абакумовым, всесильным начальником СМЕРШа.

– Интересно.

Полковник положил на стол приказ.

– Нечасто к нам присылают офицеров, где в приказе сам Виктор Семёнович расписывается. Полагаю, личное дело на днях придёт. А теперь вкратце о себе расскажи.

– Воевал в войсковой разведке. Потом полковник – тогда ещё майор – Сучков в СМЕРШ перетянул.

Полковник кивнул.

– Знаю такого.

– «Чистильщиком» был, затем перевели в ведомство Утехина.

Глаза Израйля Ильича остро блеснули, выдавая интерес.

– Задание провалил?

– Не совсем. Подробности докладывать не могу, сами понимаете. Потом приказ, и – сюда.

– Ага, теперь я, кажется, понял, почему подпись самого комиссара Госбезопасности под приказом. Награды есть?

Сергей достал из кармана кителя кисет – в таких солдаты махорку хранили – и выложил на стол свои награды. Глина внимательно их осмотрел.

– Это что за отметина? – Полковник крутил в руках орден Красной Звезды.

– Пуля немецкая. Проверяли документы на КП, заподозрили неладное. По нам стрелять начали. Двух офицеров группы сразу положили, а мне пуля в орден угодила. Можно сказать, жизнь спас.

– Бывает, – протянул полковник и принялся перебирать другие награды.

«И чего он к ним прицепился, как будто впервые видит?» Наконец вернул.

– Теперь вижу – не в тылу отсиживался, лямку тянул, как положено.

Только немного позже Сергей узнал, почему полковник проявил такое вниманием к его наградам. Немцы забрасывали в наш тыл диверсантов, одетых в советскую военную форму, с оружием и документами. Но они допустили один досадный ляп. На фальшивом ордене Красной Звезды красноармеец с винтовкой и в ботинках с обмотками, на настоящем ордене – в сапогах. Деталь мелкая, не сразу и разглядишь.

Сергей уложил награды в кисет и сунул его в карман.

– Подожди пока в коридоре.

Он вышел на крыльцо, закурил. Мимо него сновали бойцы комендантского взвода, бросали косые взгляды – что, мол, за майор новый у нас объявился?

К кабинету заместителя начальника он вернулся вовремя.

– Колесников! – раздалось из-за двери.

Сергей вошёл.

– Садись, майор. Оказывается, ты из танкистов?

– Есть такое дело, горел дважды.

– Я твоему бывшему начальнику звонил, Сучкову.

«Ага, так вот почему он про танкиста знает!»

– Хорошо о тебе Сучков отзывается. Оказывается, он тебя с первых дней войны знает, в тыл немецкий с тобой ходил.

– Было и такое.

– Вот и славно. Пакет с личным делом дня через три спецсвязью придёт, но, думаю, тянуть не стоит – людей у нас не хватает. А у тебя опыт уже есть. Пойдёшь к танкистам.

– Вам виднее.

– Вот и договорились. Пойдёшь оперуполномоченным СМЕРШа в тысяча четыреста сорок второй полк самоходной артиллерии, там командиром подполковник Рощекаев Александр Дмитриевич. Хороший мужик, но крутой. У него начштаба и опера смершевского одной бомбой убило.

– Слушаюсь. Когда отбывать?

– Не торопись. Сначала в кадры сходи, пусть оформят – я распоряжусь. Потом зайдёшь ко мне, я обстановку вкратце объясню.

– Так точно!

– Да что ты заладил – «так точно» да «так точно»!

– Виноват, исправлюсь.

Сергей повернулся и вышел. Нашёл кадровиков, его провели по бумагам, поставили печати в продовольственном и вещевом аттестатах.

– Оружие есть?

– Есть.

– Товарищ полковник просил зайти.

– С кадрами все вопросы решили?

– Все, товарищ полковник.

– Садись. Я тебе вкратце обстановку доложу, чтобы ты лучше ориентировался. А подробнее об особенностях тебе расскажет начальник СМЕРШа тридцать первого танкового корпуса, куда входит тысяча четыреста сорок второй полк. Ты о бандеровцах что-нибудь слышал?

– Очень немного.

– Ну да, откуда? Там, где ты раньше жил, их не было. А ситуация такая. Ещё до войны западная часть Украины была присоединена к Советскому Союзу. Население от восточных границ Украины до Киева, даже западней – до Житомира, к Советской власти относится, пожалуй, лояльно. А вот западники! До войны они нам по-маленькому пакостили. Когда немцы пришли, они их вначале с распростёртыми объятиями встретили. Украинские националисты даже два батальона создали – «Нахтигаль», который проходил подготовку на базе полка «Бранденбург-800». Его командиром стал Роман Шухевич. Носили они форму немецкую и оружие тоже.

Второй батальон – «Роланд» – носил чешскую форму, командир – Побигущий. А в прошлом году из добровольцев украинских даже сформировали дивизию эсэсовскую – «Галичина», численностью восемнадцать тысяч человек. Совсем недавно, в июле, они под Бродом вступили в бой с нашими войсками. Ожесточённо дрались, не хуже немцев. Потеряли семь тысяч убитыми и ранеными. Теперь их на переформирование отвели, название сменили – на четырнадцатую Галицкую добровольческую дивизию. И заметь: население их поддерживает, в основном – западники. Ещё осенью сорок первого года немцы организовали шуцманшафты – полицейские участки из украинцев. Но в них вступали и члены националистического подполья. Немцы их вооружили, а украинцы дружно, в период с пятнадцатого марта по десятое апреля сорок третьего года, ушли в леса, в УПА – Украинскую повстанческую армию. Туда полностью ушла даже полицейская школа во главе с полковником Спириницким. После этого немцы стали брать в шуцманы только поляков из местных. Украинцы же и поляки издавна враждуют.

Из поляков немцы сформировали три батальона, которые исполняют охранные и карательные функции в Ковеле, Рожищах и Олице. Не далее как четырнадцатого июля сорок третьего года отряд польской полиции с батальоном узбеков напали на украинское село Малин Острожского района на Дубенщине. Они загнали жителей в деревянную церковь и сожгли заживо – все семьсот сорок человек. Отряд УПА «Туров» вступил с карателями в бой и уничтожил до ста человек. Так что ненависть поляков и украинцев взаимная. Про СБ слышал?

– Нет, я же в Белоруссии служил, потом – у Утехина.

– М-да. СБ – Служба безпеки, в переводе с украинского – безопасности. Вроде тайной полиции у немцев. Каратели! Убивают семьи тех, кто в Красную Армию призван, вырезают семьи сельских активистов, милиционеров, учителей.

Честно сказать – не до ОУН – УПА нам было, с немцами воюем. Но поверишь ли – достали уже, в печёнках сидят. Про смерть Ватутина, командарма Первого Украинского, слышал?

– Конечно.

– Их рук дело, службы безпеки. Не немцы его убили, а бандеровцы.

– Не знал.

– Откуда, майор! В газетах ведь было сообщение, что он погиб в бою с немцами! После этого на самом верху, – полковник поднял указательный палец, – было принято решение всех мужчин до тридцати лет призвать в Красную Армию, чтобы лишить бандитское подполье притока свежих сил. Да и устное указание – самого! – было, чтобы призывников из западных областей на самые тяжёлые участки фронта бросать, не считаясь с потерями.

– Круто!

– Как они к нам, так и мы. Вот у меня сводки. Только в январе – феврале, за два месяца националисты украинские совершили сто пятьдесят четыре нападения на подразделения армии, четыреста тридцать девять военнослужащих убито. И это в тылу, представь себе! Сам видишь, ситуация очень непростая, расслабляться нельзя. Днём мужик траву косит, а ночью за винтовку берётся, вот и попробуй разбери.

Когда немцев с Волыни выбили, на базе соединения Ковпака была создана партизанская дивизия Вершигоры – специально для борьбы с ОУН – УПА. Оно им сподручнее, методы борьбы одинаковые, местность хорошо знают. Поэтому не все, кто в лесах с оружием, – наши враги, имей в виду, своих не постреляй.

– Рано мне стрелять, разобраться бы надо.

– Я тебе это к тому говорю, что весной этого года созданы городские, районные и местечковые отделы НКВД – всего шестьдесят один отдел. Маловато их, потому сотрудничать с ними придётся, на операции даже бойцов из полка выделять при необходимости. Скажу больше – с Северного Кавказа перебросили девятнадцатую и двадцать первую стрелковые бригады НКВД. С ними тоже взаимодействовать придётся, леса от отребья зачищать.

– Да, сложная обстановка!

– А ты думал, немцев погнали, так можно и успокоиться, чаи распивать?

– Да нет, – смутился Сергей.

– Ты, кстати, ел сегодня?

– Толком ещё нет.

Полковник крикнул:

– Серебряков! – И стукнул кулаком в стенку.

Вошёл молодой лейтенант.

– Вот, познакомься, мой помощник, лейтенант Серебряков.

– Майор Колесников, – представился Сергей.

– Он у нас у самоходчиков служить будет, в тысяча четыреста сорок втором полку. А сейчас накорми его и определи на ночлег. Не в ночь же ему в дорогу отправляться.

– Слушаюсь, Израиль Ильич.

– Ну, майор, желаю успехов по службе. Сам бандеровцам на мушку не попадай.

Сергей попрощался с полковником.

Едва он вышел в коридор, лейтенант сказал:

– Меня Лешей зовут, Алексеем. Вы откуда к нам?

– Из Белоруссии.

– О, там ситуация спокойнее. Здесь же без оружия никуда не ходите.

– Спасибо, меня уже ввели в курс дела.

Лейтенант привёл его в столовую. Пока Сергей ел, он засыпал его вопросами.

– А награды у вас есть?

– Есть.

– А почему не носите?

– Я же не на параде.

– А настоящих шпионов ловили?

– Приходилось.

– Я в СМЕРШе уже два месяца служу, только немецких шпионов видеть не доводилось. Националистов видел, а шпионов – нет, – огорчился лейтенант.

– О, какие твои годы! Успеешь ещё навидаться! Разочаруешься только: с виду – обычные люди, рогов нет, и серой от них не пахнет, – усмехнулся Сергей.

– Да, скажете тоже! Война скоро кончится.

– Скоро только сказка сказывается. Немцы ещё очень сильны, а своё логово будут защищать остервенело, много ещё крови прольётся.

Лейтенант лишь вздохнул в ответ.

– Устал я сегодня что-то, Лёша. За ужин спасибо.

– Извините. Я сейчас вас на ночлег определяю.

Лейтенант провёл Сергея в дом – совсем недалеко от ОКР СМЕРШа.

– Тут наши оперативники живут. Дом пустой, жители сбежали. Отдыхайте, а утром в столовую. Я распоряжусь.

– Хороший ты хлопец, Алексей. Завтра расскажешь, как до полка добраться.

– Это проще простого. От них каждое утро машины приезжают – то за снарядами, то за горючим, то за продуктами. Устрою.

Едва он ушёл, Сергей стянул сапоги, одежду и улёгся на кровать, сунув пистолет под подушку. И заснул, как провалился.

Ночью слышались шаги на крыльце, тихий разговор. Сергей тут же проснулся, взял в руки пистолет.

Скрипнула дверь, вошли два человека.

– Стоять, а то застрелю! – пригрозил Сергей.

– Мы свои, из СМЕРШа. Нам Алексей уже сказал, что в доме новый постоялец.

– Свет зажгите.

Один из вошедших чиркнул зажигалкой, шагнул в сторону и зажёл керосиновую лампу. В её свете Сергей увидел двух офицеров.

– Документы ваши можно посмотреть?

– Пожалуйста.

Оба офицера предъявили удостоверения СМЕРШа. Сергей показал своё.

– Только без обиды, мужики.

– Да что там, понимаем.

Сергей снова сунул пистолет под подушку и попытался уснуть.

Осторожность стала уже привычной. Как бы крепко он ни спал, малейший шорох – и он просыпался. Занятно! На фронте он спал, даже когда грохотали пушки. А в разведке, когда уходил в тыл противника, мок под дождём, лежал в болоте, часами мёрз в снегу – и хоть бы чихнул.

Война изменила привычки и отношение к болезни. Один из сослуживцев Сергея как-то сказал:

– Веришь ли, до войны каждый год язва желудка мучила. В госпиталях лечился, на диете сидел. А тут третий год в окопах, никакой диеты – и ни одного обострения!

Утром Сергей проснулся выспавшимся. Вместе с остальными постояльцами, офицерами СМЕРШа, сходил в столовую. Кормили тут неплохо, в отличие от продпунктов на вокзалах.

Затем нашёл Алексея.

– Здравия желаю, товарищ майор! Как спалось?

– Спасибо, как дома. Как там насчёт машины в полк?

– Это мы мигом.

Лейтенант стал названивать по полковому телефону.

– Вот, товарищ майор! Я же говорил – есть машина, интендант самоходчиков за продуктами приехал. Идёмте.

Городишко был невелик, и за четверть часа они пешком дошли до складов. Красноармейцы грузили несколько видавших виды, в заплатках и с пробоинами грузовиков.

Лейтенант подошёл к «ЗИС-5».

– Вы из полка самоходчиков?

– Да, – из кабины выглянул бритоголовый старший лейтенант, судя по узеньким погонам – интендантской службы.

– Возьмите в полк нового оперуполномоченного СМЕРШа.

– Если только в кузов.

– Сгодится.

На прощание офицеры пожали друг другу руки. Водитель закрыл задний борт.

– Готово!

Интендант вылез на подножку, пересчитал ящики, сверил по накладной.

– Всё, поехали.

Сергей ухватился за борт, встал ногой на колесо и забрался в кузов. Уселся за кабиной – так будет меньше дуть.

Грузовик фыркнул и выехал со двора.

Городок миновали быстро, потянулась разбитая дорога. С обеих сторон раскинулась живописная местность – холмы, леса. Иногда деревья подходили к дороге совсем близко. Сергею это не понравилось. «В любом месте засаду могут устроить», – подумал он и расстегнул кобуру пистолета. Но машина оставляла позади километр за километром, и Сергей расслабился.

Неожиданно впереди застучали автоматные очереди, потом несколько раз бухнула винтовка. «Немецкий МР-40, – определил Сергей. – У наших бойцов такого оружия нет».

Грузовик затормозил.

– Ты чего встал? – закричал Сергей водителю.

Тот высунулся в окно.

– Так стреляют, опасно.

Были бы с Сергеем его оперативники в бытность «чистильщика», он бы, не раздумывая, побежал к месту боестолкновения. Но какая помощь от перепуганных интенданта и водителя?

– Оружие есть? – спросил Сергей.

– У меня карабин, да вот у товарища интенданта – револьвер, – ответил водитель.

Эх, автомат бы сейчас!

– Ладно, приготовьте оружие и стойте здесь!

Сергей спрыгнул с грузовика, нырнул в лес и побежал к месту перестрелки, укрываясь за деревьями и лавируя.

Выстрелы всё ближе.

Сергей осторожно подобрался к кустам.

На дороге стояли два грузовика. Водитель одного из них сидел, привалившись грудью к рулю. Трое бойцов залегли у колёс и отстреливались из карабинов. Так, а где же нападающие?

Недалеко от него дал очередь МР-40.

Сергей, стараясь не наступить на ветки, стал перебегать от дерева к дереву.

А вот и стрелок. Он залёг за пнём, выцеливает солдат.

Сергей вскинул пистолет, выстрелил бандиту в затылок и сразу же упал за дерево. И вовремя. Прозвучал выстрел, пуля сорвала с дерева кусок коры.

С другой стороны дороги в сторону машин ударила автоматная очередь.

Сергей подполз к убитому, за ремень подтащил к себе трофейный автомат. Перевалив бандита на бок, расстегнул поясной ремень и сдёрнул подсумок с запасными магазинами. Вот теперь можно повоевать.

Пистолет – в кобуру. Это – оружие ближнего боя, и он хорош на 7—10–15 метрах. Автомат же создаёт плотность огня.

Сергей отщёлкнул магазин – там оставалось два патрона – и заменил его на полный. Привстав на колено, дал длинную, в полмагазина очередь по кустам и деревьям на той стороне дороги.

Раздался чей-то вскрик. Ага, зацепил кого-то.

– Эй, мужики! – крикнул он водителям. – Я свой, из СМЕРШа, майор Колесников. Подмогните огоньком!

Поверили водители или нет, но они начали стрелять из карабинов по кустам на другой половине дороги.

Сергей метнулся через дорогу, упал.

Затрещали сучья, от места засады убегал человек.

В Сергее сразу выиграл смершевец. «Надо догнать, взять живым, допросить!» Он рванулся за убегающим.

Бандит петлял между деревьями.

Сергей не мог со спины определить его возраст, но, вероятно, он был молод, потому что расстояние между ними всё увеличивалось.

Майор решил стрелять по ногам. Он остановился, вскинул откидной приклад автомата к плечу и дал короткую очередь. Бандит споткнулся и упал.

Сергей рванулся с места. Он бежал к нему и кричал:

– Брось оружие! Сдавайся!

Но в ответ раздалось:

– Слава самостийной Украине!

Бандеровец приставил ствол автомата к подбородку и выстрелил себе в голову.

Через несколько секунд Сергей был у трупа. Лицо в крови, темечко вырвано пулей – даже возраст определить невозможно.

Майор подобрал автомат убитого, снял подсумок. Негоже бросать в лесу оружие.

Сзади раздался одиночный выстрел. Да что там происходит?

Смершевец побежал назад, к машинам. Ещё издали крикнул:

– Не стрелять, я свой!

У кустов, на обочине дороги, стояли два бойца.

– Вот, – показал рукой один из них.

Сергей повернулся в ту сторону, куда указывал боец.

За кустами, с винтовкой в руках лежал убитый бандеровец. На груди расплывалось кровавое пятно, на плече – ещё одно.

– Ранен был, пытался уползти. Добили его.

Вероятно, это был бандит, которого Сергей ранил из автомата.

– Как всё произошло?

– Ехали к себе в часть, вдруг по машинам – огонь из автоматов. Сергуню – ну, водителя второго грузовика – сразу убили. Мы залегли, отстреливаться стали.

– Молодец, – только и сказал Сергей.

Своего бандита в плен не взял, и раненого солдаты добили. С их точки зрения – порядок. Враг стреляет – убей его! Но Сергею как сотруднику СМЕРШа был нужен пленный, язык. Мёртвых же не допросишь.

– Вот что, бойцы. Ты...

– Рядовой Фофанов, – сразу представился боец.

– Иди по дороге назад. Там машины стоят с водителем и интендантом. Пусть сюда едут.

– Слушаюсь.

Боец ушёл, держа карабин наперевес.

– А ты...

– Рядовой Трифонов.

– Обшарь кусты вдоль дороги с обеих сторон. Оружие или патроны найдёшь – неси сюда.

Рядовой козырнул и побежал исполнять приказание.

А где же третий солдат? Сергей подошёл к машинам. Повесив карабин через плечо, третий боец вытащил убитого водителя из кабины и положил на траву.

– Ванька Галышев. Мы из одной деревни, только его раньше меня на полгода призвали. Целый год вместе воевали. Что я его мамке отпишу?

Солдат, похоже, и не ждал ответа, он только горестно качал головой.

Сергей кашлянул.

– Вот что, боец. Не время сейчас причитать. Давай твоего земляка в кузов положим – не бросать же его здесь.

Вдвоём они с трудом подняли тело Ваньки и опустили его в кузов, на ящики.

– В полку схороните. Где служите?

– Автора сотой танковой бригады.

Послышался шум мотора. К ним подъезжал автомобиль с интендантом. На подножке стоял Фофанов.

Услышав звук подъезжавшей машины, из кустов вынырнул рядовой Трифонов.

– Не обнаружил ничего, товарищ майор.

– У бандита, что вы добились, заберите винтовку, брось в кузов. Ну что, все в сборе? По машинам!

За руль машины, водитель которой был убит, никто не сел.

– Это что за предрассудки? Приказываю сесть за руль!

– Так не умею я, товарищ майор. Я ведь из стрелковой роты, нас для охраны послали, – оправдывался Трифонов.

Час от часу не легче!

– Тогда полезай в кузов. Да не спи, смотри по сторонам!

Сергей уселся на место водителя, немецкий автомат положил рядом с собой на сиденье. Лобовое стекло было прострелено пулями и осыпалось, осколки его блеснули на капоте.

Маленькая колонна тронулась.

Давненько Сергею не приходилось сидеть за баранкой грузовика. Не полуторках – «ГАЗ-АА» – ездить приходилось, а на «ЗИС-5» – нет. Руль тяжёлый, как и педали.

Они проехали одно село, потом другое. При виде военных автомашин редкие местные жители прятались.

Въехали в маленькое городишко. Единственная улица шла через местечко – как называли такие городки местные. Вот только проехать по улице не удалось.

В центре местечка улочка расширялась, образуя небольшую площадь. И на площади этой теперь стояло несколько автомобилей и толпа людей.

Колонна встала. Подбежал солдат из первой машины.

– Что делать будем, товарищ майор? Обход искать?

– Глушите моторы. От машин не отходить. Я схожу посмотрю.

Сергей заглушил двигатель, набросил ремень автомата на плечо. Кто его знает, что там, впереди, происходит?

Он двинулся вперёд. Люди молча расступались перед ним.

И вот открытое пространство. За столом сидят несколько военных, немного в стороне стоят пятеро мужчин со связанными руками, рядом – трое конвойных с автоматами. «Военно-полевой суд!» – сразу догадался Сергей. Вообще-то, и раньше мог догадаться, только слепой не увидит немного поодаль два грузовика «ЗИС-5» с откидными бортами и виселицу рядом.

Сергей знал, что 19 апреля 1943 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев; шпионов и изменников Родины из числа советских граждан и их пособников». За эти преступления полагалась смертная казнь через повешенье.

По Указу в состав суда входили председатель военного трибунала, начальник военной контрразведки, заместитель командира по политчасти и прокурор дивизии. Приговор выносился военно-полевыми судами при дивизиях действующей армии и утверждался командиром дивизии, причём исполнение его было публичным – для устрашения.

Пособники оккупантов из числа местных жителей, не замаранных в крови, осуждались на срок от 15 до 20 лет каторжных работ. Для их размещения НКВД были организованы специальные отделения при Воркутинских и Северо-Восточных лагерях. Работали каторжники на тяжёлых работах в шахтах с удлинённым рабочим днём.

Сергей вышел на площадь как раз в тот момент, когда суд начал оглашать приговор. Председатель военного трибунала зачитал текст приговора.

Люди слушали в напряжённой тишине.

Потом конвойные помогли пленникам подняться в кузова машин, накинули на шею петли верёвок.

Председатель трибунала кивнул головой. Машины проехали немного вперёд, и повешенные остались болтаться на виселице, вывалив разбухшие посиневшие языки и дёргаясь в конвульсиях.

Зрелище было неприятным даже для Колесникова, видевшего смерть многожды и во всех её проявлениях. А что уж говорить о селянах? Женщины запричитали, заплакали, мужчины опустили головы. Вероятно, погибших в местечке знали.

Солдаты из конвойных демонстративно положили руки на автоматы – не проявит ли кто из толпы неповиновение? Но жители молча стали расходиться.

Повернулся, чтобы уйти и Сергей. Площадь освобождалась от народа, и можно было ехать дальше.

Неожиданно его тронули за рукав. Сергей повернулся.

Перед ним стоял молоденький солдатик.

– Товарищ майор! Вас подойти просят.

– Кто?

– Да вон, из трибунала товарищи офицеры.

Коли просят, чего не подойти? Сергей приблизился, вскинул руку к козырьку в приветствии.

– Здравия желаю! Майор Колесников.

Из-за стола поднялся председатель трибунала – тоже майор, высохший, как вобла.

– Почему одеты не по Уставу? А главное – почему с немецким оружием?

– Потому что не далее как в двадцати километрах отсюда на наши машины было совершено нападение националистов. Из табельного пистолета отбиваться несподручно, пришлось прихватить трофейный автомат.

– Вы из какой части?

Лицо майора из трибунала побагровело. Остальные офицеры внимательно слушали.

– СМЕРШ, – коротко доложил Сергей. – Назначен оперуполномоченным в тысячу четыреста сорок второй самоходно-артиллерийский полк тридцать первого танкового корпуса.

Из-за стола поднялся подполковник.

– Можно посмотреть ваши документы?

Сергей молча достал своё удостоверение, протянул.

– А, так это насчёт вас мне вчера вечером из УКР звонили? Я и есть командир этого полка самоходов – подполковник Рощекаев, Александр Дмитриевич, – комполка протянул руку для пожатия.

– Майор Колесников, – ответил на рукопожатие Сергей. Вот уж неожиданное знакомство!

Председатель трибунала, услышав о СМЕРШе, остыл и уселся на стул. Ну их, смершевцев, с ними связываться – себе дороже. Да и оружие трофейное они носят почти постоянно.

– А по батюшке?

– Пётр Михайлович.

– Будем знакомы. Правда, место для знакомства не совсем...

Комполка бросил красноречивый взгляд на виселицу, где раскачивались трупы повешенных.

– Постой, майор, ты говорил – обстреляли вас?

– Да, две машины сотой танковой бригады. Один водитель погиб.

– Из Проскурова добирался?

– Оттуда, только на машине из нашего полка, с интендантом.
– Ну, они теперь и сами доберутся. Поехали со мной.
– Никак нет, товарищ комполка. Я грузовик вместо убитого водителя пригнал.
– Нашёл проблему! Мой водитель за руль грузовика сядет, а мы с тобой – за ними. Тут до сотой бригады рукой подать.

– Да я не против.

Подполковник оказался компанейским мужиком и неплохим организатором. Его водитель сел за руль грузовика, сам подполковник – за руль «Доджа 3/4», по ленд-лизу поставленного.

– А ты молодец, Пётр, перед председателем трибунала не сдрейфил. Хорошо держался.

– Дальше фронта всё равно не пошлют. А на фронте и за ним, в немецком тылу, я уже бывал.

– Тогда чего наград не вижу? Или разжаловали?

– И награды боевые есть, и не разжаловали. Я с июля сорок первого воюю, танкистом был, горел два раза.

– Иди ты! – удивился подполковник.

– Потом в войсковой разведке, а потом уже в СМЕРШ попал.

– Боевой парень. Ну, тогда мы с тобой сработаемся.

– Должны, одно дело делаем.

– Как сказать! У меня прежний особист всё больше доносы собирал, всё ходил, вынюхивал.

– Иногда это тоже надо – удаётся из тонны грязи крупину золота найти.

– Да я понимаю, служба такая. Но он и на меня, и на зампотеха бумаги собирал.

– Значит, с дерьмом человек. Это ведь не от службы зависит – от самого человека.

– О! В самую точку! Ты знаешь, я с сорок второго года на фронте – не считая госпиталя по ранению. Но такой обстановки в тылу, как здесь, не видел ещё. То часового убьют, то отдельную машину обстреляют. На колонны не нападают, побаиваются – силёнок маловато. Но пакостят постоянно.

– Наслышан уже. Я в Белоруссии служил, там такого нет.

В общем, пока добирались до полка, успели поговорить, узнать немного друг о друге.

Первоначальными впечатлениями оба остались довольны. И тот и другой – боевые офицеры, трезво оценивающие ситуацию; каждый хочет делать своё дело, не мешая другому. В целом – сошлись. На фронте жизнь учит быстро разбираться в людях – с кем можно в разведку или на рискованную операцию пойти, а кого поостеречься надо, не доверять в бою спину прикрывать.

Едва приехали, как к подполковнику подбежал дежурный по части, старший лейтенант. Он стрельнул глазами в сторону Колесникова.

– Докладывай! Это наш новый оперуполномоченный СМЕРШа, майор Колесников.

– Товарищ подполковник, в части ЧП. Пропало трое военнослужащих из второй батареи.

– Вот те на! Когда?

– Заступили в наряд по охране технического парка. Когда разводящий со сменой пришёл их менять, на место никого не оказалось.

– Ну вот, майор, тебе и карты в руки. Как говорится – с корабля на бал. Говоров, проводи майора, куда он скажет. А потом столовую покажи – расквартируй, одним словом.

– Слушаюсь, товарищ комполка.

Сложно было вот так, с ходу, не зная людей, обстановки в полку, начинать расследование. Исчезновение военнослужащих – всегда ЧП. Дезертировали они или их убили националисты? Версий много, а истина одна.

Для начала Сергей прошёл с дежурным к начальнику караула. Им оказался круглолицый пышноусый старшина.

– Садитесь, старшина, рассказывайте – как и что.

– Слушаюсь.

Старшина уселся на колченогий стул, Сергей сел напротив.

– Всё было как всегда, товарищ майор. Заступили в караул, разводящий развёл часовых на посты. Все трое на постах в техническом парке были у самоходок. Через четыре часа пошли их менять – а нету никого.

– Выстрелы, шум какой-нибудь был?

– Никак нет. Если бы стрельнул кто – так мы службу знаем. Тут же бодрствующая смена в парке была бы.

– А место, откуда часовые пропали, осматривали?

– Были мы там – я сам ходил. Разводящий как прибежал, доложил о пропаже часовых, так я сам и ходил.

– Крови или следов борьбы не заметили?

– Не было.

– Может, пропало чего? Ну – со складов?

– Нет, в парке самоходчики были, технику обслуживали. К складу не подходил никто. Да там и склад – одно название. Сарай просто.

– Пойдёмте, посмотрим.

Дело шло к вечеру, и Сергей хотел по светлому времени осмотреть место происшествия. Однако ничего подозрительного он не обнаружил. Собственно – и не надеялся. Здесь уже побывали разводящий, начальник караула, другие танкисты. Была бы кровь – сообщили бы, а так – следы только затоптали, если они были.

– Ушли с оружием?

– Так точно!

– Где мне командира второй батареи найти?

– Да вон он, в парке.

Старшина подвёл Сергея к капитану, нервно кутившему «Беломор».

– Майор Колесников, СМЕРШ, – представился Сергей и предъявил удостоверение.

– Капитан Кольцов, комбат-два, – отрапортовал капитан. – Вы по поводу исчезновения военнослужащих?

– Именно.

– Сбежали они! – безапелляционно заявил капитан.

– Это почему же вы так решили?

– Их месяц как призвали. Были под оккупацией, украинцы – из местных.

Капитан сплюнул.

– Между собой общались?

– Конечно – земляки же. Держались вне службы обособленно, всё время вместе. Не обучены, служили заряжающими в экипажах. Служба проще простого. Чего командир сказал, то и делай. Короче – подай, поднеси.

– Не помните – они из одного села?

– Кажется. Надо в штабе уточнить.

– Разговоров никаких сослуживцы не слышали – про бандеровцев, про леса?

– Если бы! Служили нормально. Не без ошибок, естественно – так ведь новобранцы...

Присягу приняли, пошли в первый караул – и вот!

Как удалось выяснить в штабе полка, новобранцы действительно призывались из одного села. Но если бы они были из западных областей Украины – а то из-под Донецка!

Придётся заводить дело о дезертирстве и передавать его в территориальные органы НКВД. «Завтра заведу», – решил Сергей.

Он прошёл в столовую, поужинал. Потом – спать.

Под офицерское общежитие было отведено несколько хат. Хозяева ютились в одной комнате, а две другие были отданы постояльцам.

С утра, после завтрака, Сергей завёл дело, написал протоколы допроса свидетелей. Нашёл старшину, бывшего вчера начальником караула, и комбата, подписал протоколы. Не нравилась ему эта бумажная работа, но деваться некуда – с пустыми руками в районный отдел НКВД не пойдёшь.

В местечковом отделе его встретили, как старого знакомого.

– Майор Колесников, опер СМЕРШа, тысяча четыреста сорок второго полка самоходчиков.

– Капитан Симонов, Георгий.

Он просмотрел удостоверение Сергея и вернул его.

– Мне уже звонили сегодня из Проскурова, говорили о тебе. Да ты садись, майор, что передо мной тянуться? Ты с чем пожаловал?

Сергей протянул папку с делом.

– Опять дезертиры! С оружием ушли?

– Именно!

– Небось к бандеровцам сбежали, за самостийную Украину воевать – без москалей, жидов и поляков. Второй случай за три дня.

– У самоходчиков? Мне не говорили.

– Нет, у пушкарей – двое ездовых позавчера сбежали. Сдаётся мне, далеко они не ушли, поблизости в лесах хоронятся. Но банда в лесу точно есть. Организатор должен быть – почти одновременно из двух частей сбежали. Это не совпадение.

– Прочесать бы лес-то.

– Сам такого мнения, только где солдат столько взять? У меня в отделе двое оперов и я, да ещё солдат-водитель.

– Негусто.

– Может, поговорить с командиром полка? Пусть выделит взвод автоматчиков – тогда и прочешем.

– Не знаю, даст ли. Да у него и автоматчиков нет. Артиллеристы есть, технари...

– Одно же дело делаем. Если этих не поймаем, для других соблазн будет.

– Я с Рощекаевым сегодня же переговорю и сообщу.

– Удачи!

Глава 2

Зачистка

Когда Сергей пересказал полковнику просьбу Симонова, Рощекаев лишь руками развёл.

– Откуда у меня автоматчики? Механики-водители, командиры экипажей, заряжающие, мотористы и механики, водители грузовых автомашин. Ещё, правда, взвод артиллерийской разведки. Но ведь они всё больше с оптикой и рациями работают, какие из них стрелки?

– Может, добровольцы найдутся?

– По своей воле башку под бандеровские пули подставлять? Сомневаюсь. То ли дело – за бронёй самоходки сидеть. Опасно, конечно, однако при попадании вражеского снаряда не весь экипаж гибнет. Но то дело привычное. Ударил снаряд – откидывай крышку люка и из машины – вон. И никого уговаривать не надо, покидают самоходку быстрее любого норматива. А впрочем – попробуй. Возражать не буду.

М-да! Сергей вышел от комполка в расстроенных чувствах. Одно дело, когда отдан приказ, и его надо выполнять, и совсем другое – добровольно идти на зачистку территории. Как себя вести? А вдруг встретятся в лесу бывшие сослуживцы? Стрелять по ним?

Тем не менее, к своему удивлению, Сергею удалось набрать десяток добровольцев. Он, когда разговаривал с самоходчиками, упор на сознательность делал, на комсомольскую совесть. А с другой стороны, добровольцы – оно и лучше. Приказ по-всякому выполнить могут, а добровольцы – со всем тщанием, сами же вызвались.

Слава богу, автоматы были у всех. Раньше экипажи имели табельные наганы. Теперь же только у командира САУ и механика-водителя пистолеты ТТ, а у двух членов экипажа – автоматы ППШ. Случись – подбили машину, от немцев обороняться можно.

Сергей распорядился по два запасных магазина взять, и под его командой целый десяток бойцов появился в отделение НКВД.

Симонов аж задохнулся от радости.

– Неужели командир дал?

– Добровольцев-комсомольцев набрал, удалось десять человек привлечь. Только не автоматчики они, пехотных навыков не имеют.

– Стало быть, повоюем. Погоди маленько.

Капитан вышел из комнаты и почти тут же вернулся с «сидором», позвякивающим стеклом. «Неужели капитан выпивку взял?» – удивился Сергей.

На грузовике местечкового отделения отъехали по грунтовке километров на десять. Командовал зачисткой капитан. Его территория – ему и руководить.

– Значит, так, бойцы! Строимся в цепь. Промежуток между соседями – десять метров, чтобы видели друг друга. Идём в сторону вашего полка. Под ноги глядим, а не ворон считаем – и немцы, и бандеровцы могут мины оставить. Если проволоку заметите в траве – не трогайте, это растяжка минная. Встретятся в лесу посторонние – всех задерживать. А уж если оружие в руках увидите или сопротивление при задержании окажут – стреляйте на поражение. В лесу своих не будет, только чужие. Вопросы? Нет вопросов. Становитесь, и пошли вперёд.

Вместе с Симоновым и Сергеем цепочка растянулась вширь на полторы сотни метров. Узковат невод! И у солдат опыта мало, не разведчики. Идут, как слоны, треск от сучьев на весь лес стоит. Услышав его, бандеровцы могут просто в сторону уйти.

Несколько минут они шли спокойно. Потом справа гроыхнула граната. «Наша лимонка!» – определил Сергей и побежал к месту взрыва. Но бежал осторожно, глядел под ноги.

– Что случилось?

Несколько солдат лежали у дерева, один охал и стонал. По левой брючине расплывалась кровь.

– Растяжку не заметил. Его счастье – от гранаты далеко был, и дерево немного прикрыло. Раненого перевязали индивидуальным перевязочным пакетом.

Конечно, Сергей знал, что не на увеселительную прогулку солдат вывел, но чтобы вот так, сразу после инструктажа боец ранение получил? Да ему Рощекаев голову снимет!

Раненого отправили машиной в госпиталь, а для остальных случившееся было наукой – шли теперь медленно, смотрели под ноги.

Симонов свистнул, махнул рукой. Сергей подошёл.

– Гляди, схрон здесь!

– Где?

– Да вот же, вентиляция у них.

Сергей, к стыду своему, не видел ни входа в схрон, ни трубы вентиляции.

– Не туда смотришь! Видишь пенёк?

– Вижу.

– А сбоку у него дырочка. У бандеровцев – излюбленный способ. Без опыта и не определишь. Я просто уже знаю, потому приглядывался.

– Схрон-то сам где?

– Кто его знает... Может быть, мы на его крыше стоим.

– А вход?

– Люк в него ведёт, как в деревенский подвал. И замаскирован хорошо, рядом будешь стоять – и не заметишь.

– Тогда щупы надо, двухметровые.

– Зачем? У меня лучше средство есть.

Симонов снял с плеча «сидор», развязал горловину вещмешка и вытащил из него обыкновенную бутылку тёмного стекла.

– Знаком с таким?

– Вино, что ли?

Георгий с сожалением посмотрел на Сергея.

– Давно в поле был?

– «Чистильщиком» – долго. Но последние полгода – в ведомстве Утехина.

– А! – выражение глаз Симонова сменилось на уважительное. Все оперы знали, что ведомство Утехина занималось зафронтовыми операциями.

– Ладно, попозже расскажу. А теперь смотри.

Симонов откупорил бутылку и вылил её содержимое в вентиляцию. Потом отошёл в сторону. Сергей – за ним.

– Бойцы, ко мне!

Добровольцы собрались возле офицеров.

– Так, – распорядился Симонов, – встали в круг, диаметром метров пятьдесят. Оружие держать наготове!

Однако минуты шли за минутами, но ничего не происходило.

– Может, средство твоё не сработало? – спросил Сергей.

– Нет, просто в схроне никого не оказалось. Если бы кто-то был – полезли бы, как тараканы. Я это средство уже один раз опробовал.

Кольцо оцепления было снято, и все двинулись цепью дальше. Но Симонов отметку на своей карте о схроне сделал.

– Ещё пригодится, – заметил он.

Пока шли по лесу, заметили в кустах шевеление.

– Выходи, а то стрелять буду! – грозно предупредил Сергей. – Только руки подними, чтобы я видел.

Из-за кустов неловко, спиной вперёд вылез боец в потрёпанной, испачканной землёй форме. Медленно повернулся, поднял руки.

– О! Так это же Аничков, ездовой артиллеристов! – удивился Симонов. – Оружие где?

– В кустах винтовка.

Симонов приказал одному из солдат достать оружие, что и было выполнено.

– А второй-то беглец где? – ласково поинтересовался капитан.

– На mine подорвался.

Похоже, мужик был готов пустить слезу.

– Ты сопли-то не распускай! В штрафбат за дезертирство пойдёшь. Коли с поля боя бежал бы – шлёпнули бы тебя. Труп где?

– Чей?

– Ты что, совсем ополоумел? Подельника твоего, вместе с которым свою часть покинули.

– Так недалеко, я покажу, – закивал головой ездовой.

– Веди, самолично убедиться хочу.

Ездовой, сгорбившись, повёл.

Труп подорвавшегося на немецкой mine ездового лежал метрах в трёхстах от кустов, где обнаружили Аничкова.

Симонов и Колесников подошли к телу. Ноги оторваны по колено, тело посечено осколками... Не соврал ездовой, смерть от взрыва мины наступила.

– Я уж думал – не поделили они чего, да Аничков его и шлёпнул, – шепнул Сергею Георгий.

И уже громче:

– Так, первое дело о дезертирстве закрывать можно. Один погиб по глупости, второй задержан.

Дезертиру связали руки, и один из солдат взял его под конвой. Больше происшествий не было.

Когда добрались до местечка, добровольцы вернулись в полк, а Георгий с Сергеем отвели дезертира в отделение, где Симонов запер его в подвале.

– Пусть посидит пока. Я дело оформлю – и в трибунал, пусть решают. Молодец, Колесников, помог. За добровольцев своих спасибо, выручил.

– Ты обещал о бутылках своих рассказать. Я, грешным делом, о водке подумал, когда ты стеклом в «сидоре» зазвенел.

Сидоров рассмеялся.

– Давай по сто грамм фронтовых, как-никак совместную зачистку провели.

– Не откажусь.

Георгий выставил на стол бутылку водки, полбуханки чёрного хлеба и две банки консервированной американской колбасы.

– Закуска немудрящая, но сытная. Конечно, горяченького бы сейчас, да где его взять?

На правах хозяина он разлил водку по гранёным стаканам.

– Ну, с почином, майор!

Выпили, занюхали водку хлебом. Потом выковырнули ножом колбасу на хлеб, закусили.

– Вкусно! Почему наши такую не делают?

– После войны научимся. Ну, раз хотел – слушай. Только – никому! Разработка секретная, но ты сам из СМЕРШа, тебе знать надо. Химики наши разработали несколько адских смесей для борьбы с такими «лесными партизанами», как бандеровцы. В Белоруссии свои такие есть, как и в Эстонии. Вот, гляди!

Георгий выставил на стол две бутылки. Похожи они были на бутылки с зажигательными смесями – «коктейлем Молотова», что активно применялся в начале войны из-за нехватки гранат.

– Это смесь «Нептун». На одной цифры – «сорок семь», на другой – «восемьдесят». Мы сорок седьмым «Нептуном» агентов в сёлах снабжаем, да и сами пользуемся. Его надо немного в воду добавлять, или в пищу – в молоко, даже в водку или горилку ихнюю. Человек, отведавший этой химии, минут через пять-семь «плыть» начинает. Сил нет даже затвор у автомата передёрнуть. А ещё минут через пять-семь и вовсе отключается часика на два-три. А как в чувство придёт, контролировать себя не может и на все вопросы отвечает без запинки.

– Лихо, не знал.

– Местные – из бандеровцев – уже прознали про это и называют эту химию «отрута».

– А в другой бутылке?

– Это ты про «восемьдесят»? Ежели подозреваешь кого-то в селе в связях с бандеровцами, накапай на коврик у входной двери немного препарата. И потом все, кто выходит из дома, долго на подошвах обуви запах пахучий нести будут. По ним собака след возьмёт даже и через трое суток.

– Всё бы хорошо, да где собак-ищеек взять? У немцев собак в подразделениях полно – и в караульной службе, и в полиции, и в фельджандармерии.

– Знаю, – вздохнул Георгий, – и давно прошу. Обещали проводника с собакой выделить. Вот тогда и пригодится химия-то. Давай ещё по одной?

– Не откажусь.

Они выпили ещё по полстакана, пожевали не спеша.

– А что ты в вентиляционную трубу налил? – спросил Сергей.

– А, интересно стало? Это «Тайфун». Испаряется легко, потому с ним поосторожнее – сам не нанюхайся. Подышит человек воздухом с химией – и жажда дикая им овладевает, пьёт и напиться не может, за глоток воды убить готов. На допросах графин с водой на виду ставишь – и спрашивай что хочешь.

– Не понял. А в вентиляционную трубу зачем ты его лил?

– Откуда у них в схроне запасы воды? Вот и полезут за водичкой наружу.

– Мы на фронте проще действовали. В трубу печную, в землянку немецкую гранату бросишь – и жди у двери. Как граната рванёт, кто-нибудь да живой останется, только оглушённый. Он наружу выберётся – и бери его тёпленького. Только на самой передовой делать это остерегались – шума много.

– А мы, знаешь, как их выкуривали? Сапог голенищем на трубу надеваешь – ну, как на самовар, и давай качать. Весь дым и гарь в землянку идут. Шума никакого, а немцы сами выскакивают.

– Здорово, не знал.

– Ты в разведке на каком фронте был?

– На Воронежском.

– И я там же. Постой, а у тебя прозвище было?

– Было – Леший.

– Так я тебя заочно знаю – легенды слышал. Врут, поди.

– На самом деле голый, в тине и грязи перед командующим стоял. Это когда мы диверсионную группу обезвредили.

– За это давай выпьем.

Они достали ещё одну бутылку.

– Хороший ты мужик, майор. Я рад знакомству. Старый-то опер, что до тебя был, только бумаги и писал.

Так они проговорили до ночи. Спихватились, когда керосин в лампе закончился.

– Может, останешься в отделе переночевать? – предложил Георгий.

– Вместе с ездовым? – пошутил Сергей. – Или на стульях спать положишь? Нет, я уж к себе.

– Опасно, шалят по ночам.

– Обойдётся.

– Ну – смотри, я предупредил.

Сергей вышел из отдела. Темнота – хоть глаз выколи. Улицы освещались слегка, когда из-за облаков выходила луна. Он вытащил пистолет, передёрнул затвор и пошёл в сторону расположения полка, не выпуская пистолета из рук. Со стороны это, может, и выглядело смешно или нелепо, но на улицах не было никого, абсолютно. Городок как будто вымер, даже собаки не лаяли. В оккупации немцы всех собак перестреляли, уцелели только псы, не подававшие голоса.

До расположения полка самоходов оставался квартал. Шаги Сергея были хорошо слышны, и этот звук его немного напрягал. Шёл он по середине улицы, а не по тротуару – жизнь научила передвигаться так. Если кто и решит напасть, так из-за угла внезапно напасть не сможет. Хотя какой к чёрту нож, когда у населения оружия полно? После боёв его достаточно на полях сражений валялось, при желании можно было и пушку домой прикатить. Был, конечно, Указ, обязывающий население сдать оружие, но его выполнили единицы. Будь на их месте он, Сергей, тоже трижды подумал бы, прежде чем сдать ствол. Непокойно в городе. Бандеровцы, бандиты всех мастей грабят, насилуют и убивают. Оружие для самозащиты нужно. Большая часть населения – граждане законопослушные и хотят тихой, спокойной жизни. Хотят мирно трудиться, растить детей и не бояться стука в окно или дверь, хотят быть уверенными в завтрашнем дне, иметь кусок хлеба на столе. И задача Сергея, Симонова и тысяч таких же, как они – обеспечить им эту спокойную жизнь.

В тишине раздался щелчок. Негромкий, как будто взвели курок пистолета. Звук раздался из-за угла. Прозвучи сейчас звук бьющегося стекла, ломающейся доски или заработавшего внезапно двигателя, Сергей не насторожился бы.

Он сделал ещё пару шагов – ближе к переулку – и упал на мостовую, выбросив вперёд руку с пистолетом. Почти одновременно сверкнула вспышка и ударил выстрел. Но уже – мимо.

Сергей дважды выстрелил в ответ и услышал в наступившей тишине топот ног. Неизвестный убежал.

Сергей вскочил, подбежал к углу здания и осторожно выглянул. Выбегать сразу – значит, нарваться на пулю.

Впереди, в проулке, смутно мелькала тень.

Колесников вскинул пистолет и трижды выстрелил веером, каждый раз немного смещая ствол по горизонтали. Раздался вскрик и шум падения тела.

Сергей подошёл, держа ствол направленным на неподвижное тело. Рядом с трупом мужчины валялся пистолет. Ногой Сергей отшвырнул его подальше. Этой же ногой тронул тело. Безответно. Мужчина лежал неподвижно, не шевелился и не стонал. Похоже – насмерть.

Издалека послышался топот ног. Из-за угла вывернули трое военнослужащих.

– Стой! Брось оружие!

Сергей поднял руки, но пистолет не бросил.

– Я свой, из СМЕРШа, майор Колесников.

– А вот мы сейчас посмотрим, какой ты майор! Документы!

– В нагрудном кармане гимнастёрки.

Подошёл ефрейтор, забрал пистолет из руки Сергея. Расстегнув пуговицу на кармане гимнастёрки, он вытащил удостоверения и передал его старшему патруля. Зажёг фонарик.

Просмотрев его удостоверения, старший патруля направил луч света в лицо Сергею. Тот зажмурил глаза.

– Извините, товарищ майор.

Удостоверение и пистолет ему тут же вернули.

– Что случилось?

– Вот этот в меня стрелял. Вон его пистолет лежит.

– Опасно ночью одному ходить, всякое случиться может. Приказ же по фронту был – меньше чем по трое и без оружия в ночное время не ходить.

– Служба у меня такая. Пистолет убитого я заберу, а тело в милицию отвезите, пусть попробуют опознать.

– Слушаюсь, товарищ майор.

Патруль был из артиллеристов.

До места расположения полка Сергей шёл с пистолетом в руке и дошёл без происшествий. Но выводы для себя он сделал.

А через день пришло известие о троих дезертирах из его полка. Рота из полка охраны тыла прочесывала лес в поисках банды, убившей в деревне милиционера и зверски вырезавшей его семью, наткнулась на этих беглецов. На предложение сдаться они ответили автоматным огнём и были убиты. При обыске, учинённом бойцами роты, были обнаружены личные документы; бойцы же сообщили в полк.

На опознание выехал старшина, бывший начальником караула, и Колесников. Ему надо было составить протокол опознания, чтобы закрыть заведённое на дезертиров дело.

– Они это! – сразу и без колебаний опознал убитых старшина. – Лопату надо бы найти, схоронить по-человечески.

– Ты где людей увидел? Пусть их тела собаки сожрут! – ответил командир роты охраны тыла. – Они у меня двух молодых ребят застрелили. Хуже фашистов. Те хоть враги, а эти?! – ротный сплюнул.

На обратном пути Колесников сам сидел за рулём «Виллиса». Старшина был расстроен, даже огорчён.

– Ну, спрашивается, советские же люди! Страна их выкормила, воспитала, школу они советскую закончили. Чего в бега подались? Мало того – по своим стреляли, двоих своих же солдат убили! Как можно? Бабы, подростки, старики в тылу надрываются – у станков, в поле, чтобы армия сыта была, одета-обута, оружие имела. Вот гниды!

– Ты же их хоронить хотел.

– Вроде как Божьи твари, да и каждый человек упокоенным после смерти должен быть.

– Ты правильно, старшина, про людей-человеков вспомнил. Вот ты человек, лямку свою старшинскую тянешь; парни молодые, что в самоходках сидят, тоже долг перед Родиной и семьёй исполняют. А про этих – забудь. Не достойны они памяти, заслужили собачью смерть.

Старшина только вздохнул.

– Однако это ещё не всё, старшина. Если бы они, как солдаты, головы свои сложили на поле боя, их семьи от государства помощь бы получали. А сейчас? Как родственникам быть членами семьи изменника Родины? В техникум или институт не возьмут, в правах – полное поражение, даже на выборы не пойдёшь. Но это в лучшем случае. Жить на что? Ведь и на работу не возьмут, а то и вообще в Сибирь или на Север сошлют.

– Круто!

– Так и надо.

– Я сразу об этом не подумал.

– Теперь и во взводе у себя Расскажи, как предатели жизнь закончили и чем это родне грозит.

– Нет у меня во взводе предателей!

– Не говори «гоп»! Сам видишь – войска вперёд продвигаются. Будут призывать украинцев, молдаван. Думаю – хлебнём ещё лиха! Только чур – я тебе ничего не говорил.

– Я не ребёнок, понял.

Сергей ехал и думал о том, что вроде и немцев скоро за пределы СССР выбьют, а забот у НКВД и милиции будет много и надолго. И настраиваться надо на серьёзную работу.

Вообще на отвоеванных у немцев территориях Украины творилось нечто непонятное. В крупных сёлах или городах порядок ещё был, по крайней мере – днём. А в небольших сёлах или деревнях жители были в состоянии постоянного страха. Заходили в деревню люди в непонятной форме – смеси немецкой, польской и советской – и гражданской одежде. Говорили на смеси русско-украинско-польского языков. У некоторых на пилотках или фуражках были прикреплены значки ОУН или УПА, другие были вообще без них. Каждая банда грабила, в первую очередь продукты норвила забрать, и все прикрывались красивыми лозунгами о самостоятельности Украины.

Но кроме националистов всех мастей по лесам бродили просто банды сбившихся в стаю дезертиров, мародёров, уголовников, благо оружия на полях сражений хватало. Обычные бандиты ограничивались грабежом, националисты были для действующей армии опаснее. Часто они имели радиостанции и передавали немцам сведения о передвижении наших войск. Немцы же сбрасывали им на парашютах оружие и деньги. Советских денежных знаков немцы не жалели – их было в своё время захвачено много в банках оккупированных городов.

В начале войны немцы охватывали города танковыми клиньями, оставляя их в своём тылу. Партийные чиновники в первую очередь жгли архивы и вывозили свои семьи. Таким образом, в руки немцев попадали ценности из банков – деньги, золото, и художественные ценности – из музеев.

Борьба националистов всех мастей доставляла Советской власти всё больше беспокойства. Они убивали военнослужащих, безжалостно вырезали семьи сельских активистов, учителей, милиционеров.

Руководством НКВД решено было нанести удар по лесному отребью. С Кавказа были переброшены 19-я и 24-я стрелковые бригады НКВД. Силами этих бригад при поддержке армии планировалось прочесать облавой, как густым гребнем, леса поблизости от железных дорог, населённых пунктов и мест дислокации воинских частей. Конечно, хотелось охватить все лесные массивы, но руководство понимало – сил не хватит.

Согласно приказу полк самоходчиков выделял роту автоматчиков для поддержки бригад НКВД, как и другие полки.

Подполковник Рощекаев за голову схватился, когда Колесников заявился к нему с приказом.

– Майор, ты меня без ножа режешь! Где я тебе возьму роту автоматчиков? У меня ведь только экипажи самоходчиков и технические службы!

– Александр Дмитриевич! Я приказ сверху получил и обязан, как и вы, его исполнить. Приказ Берии, сами понимаете.

Лицо командира полка покрылось пятнами. Не выполнить приказ всеильного Берии – значит навлечь на себя большие неприятности. И ладно бы ещё, если бы это ограничивалось разжалованием и трибуналом с последующей службой в штрафной роте.

С полка всё же наскребли роту в семьдесят человек – писарей, водителей из автотранспортной роты, ремонтников.

– Пётр Михайлович, понимаю, служба у тебя такая, но ты моих людей без нужды под огонь не кидай. Обучить самоходчика – это не пехотинца научить стрелять из винтовки. Не хватает людей...

– Постараюсь, а там уж как выйдет. – Сергей развёл руками.

Ближе к концу войны командиры научились беречь людей и не бросать их в лобовую атаку на пулемёты, как в 41-м году.

Облава началась с инструктажа командиров. Руководил облавой сам командир стрелковой бригады НКВД, майор по званию. Всем приданным ротам он приказал распределить солдат между своими бойцами. Расстояние между бойцами – три метра. Причём его солдаты должны идти со щупами – металлическими штырями для обнаружения схронов и тайников.

– На время операции все командиры подчиняются мне. Огонь на поражение применять ко всем, кто будет находиться в лесу – старикам, женщинам, военнослужащим – это могут быть связники. Командиры всех воинских частей в округе предупреждены, их подчинённых в лесах быть не должно. Вопросы?

Вопросов не оказалось. Фактически командиры приданных бригаде рот утратили управление и контроль над своими людьми. Как руководить ротой, когда слева и справа от бойца стрелки НКВД, а цепь растянулась на несколько километров?

Взлетела зелёная ракета, густая цепь солдат вошла в лес, и операция началась.

Шли медленно – движение сдерживали солдаты бригады. Они сноровисто втыкали в землю щупы на глубину до полутора метров. Где щуп проваливался, там сопровождавшие их сапёры закладывали взрывчатку. И едва цепь удалялась на безопасное расстояние, следовал подрыв.

За сапёрами следовало несколько кинологов с овчарками: люди, жившие в лесу, издавали специфический запах – костров, оружейной смазки, немытых тел.

В разных местах изредка звучали автоматные очереди. Но пока тревога была ложной, стреляли по внезапно выскочившему зайцу или труп, коих в лесах хватало.

Неожиданно на правом фланге вспыхнула перестрелка. Стреляли солдаты из цепи, стреляли из леса по ним.

Сергей побежал туда, но на месте перестрелки уже были командиры рот из бригады. Быстро подтащили пулемёт «максим» и подавили сопротивление.

Цепь продвинулась дальше. Обнаружилось двое убитых в красноармейской форме, с оружием, и следы крови. Капельки её были на траве, на листьях кустарника.

– Ранен, причём всерьёз. Далеко не уйдёт, догоним. Тем более из леса ему не выйти – там ещё рота в оцеплении стоит, – сказал старший лейтенант из бригады.

Сергей решил про себя – не дёргаться более на перестрелки, у солдат из бригады свои командиры есть, опытные в таких облавных делах. Он же – «чистильщик» и облавами фактически не занимался.

Лес был пройден до опушки. Было убито четверо неизвестных и обнаружен пустой схрон и тайник. Оба были взорваны.

Солдатам подвезли полевую кухню, покормили, и потом – снова густой цепью, как гребёной, – в лес.

Этот массив оказался побольше и подобочливее. Перестрелки вспыхивали то на одном конце цепи, то на другом. Со стрелявшими не церемонились – обстреливали из пулемётов, закидывали гранатами, а кое-где и собак с поводков спускали. Но лес прочистили, как санитары. Итог – одиннадцать убитых и два взорванных схрона. Причём один – явно жилой и только что покинутый, поскольку в нём топились «буржуйка» и грелась еда.

Облава закончилась только к сумеркам. А на следующий день повторилась в другом лесу и тоже принесла результаты. Бандитские вылазки и нападения в окрестностях прекратились. В самом местечке ещё грабили и постреливали, но с бандитами боролись патрули воинских частей и милиции. Хотя, если честно, сил у милиции было мало – одна полторка на отдел из десяти милиционеров при наганах и трёхлинейках. Много не повоюешь.

Сборная рота самоходчиков вернулась в полк, имея одного легкораненого в руку. Командир полка был рад, что обошлось без потерь.

– Вчера в штабе корпуса был. На днях передислокация будет, на запад дальше пойдём. Большое наступление намечается. Генерал напрямую не говорит, но я же тёртый калач, не первый день на фронте, сам по признакам вижу.

– Немцев бить – это хорошо, но думаю, чем дальше на запад, тем сильнее сопротивление будет – и немцев, и поляков, и украинцев.

– Разобьём всех к... матери! Под Сталинградом разбили, под Курском хребет сломали – добьём! Немец уже не тот пошёл, что в начале войны, той наглости нет. Силён немец, но и мы уже не те, научились воевать, да и техники хватает.

Всё правда, Сергей и сам это видел. У пехоты автоматов полно, кормёжка исправная. В небе наши истребители уже не дают немцам безнаказанно бомбить. Танки и самоходки новые появились, целые полки.

Силён немец, и потери будут ещё больше, но у бойцов и командиров уныния, как в 1941 году, уже не было, ощущался боевой настрой и уверенность в победе.

Только уйти с полком дальше на запад не получилось. Сергея вызвали в ОКР СМЕРШа в Проскуров. Удивился майор, но в армии приказам подчиняются.

Он прибыл в отдел, доложил всё тому же полковнику Глине.

– Товарищ полковник, майор Колесников по вашему приказу прибыл.

– Не тянись, майор, мы не в армии. Садись.

Ничего хорошего от вызова к начальству Сергей не ждал. Есть поговорка: «Дорога вокруг начальства короче прямой». Вот он её и старался придерживаться.

– Как служба идёт?

– Нормально.

– Я смотрю – ты быстро освоился, в зачистках участвовал.

– Так точно.

Сергей старался быть предельно краток.

– Вот что. Движение националистическое уже до печёнок достало. Советская власть на освобождённых территориях должна на местах на коммунистов, на сельскую администрацию опираться. А их вырезают наглым образом! И армия потери от бандеровцев несёт. Руководство приняло решение – бороться с ОУН и прочим отребьем их же методами.

Сергей удивился, но смолчал. Не стоит прерывать монолог начальства. Захочет – сам скажет.

– Потому будем создавать партизанские отряды из сотрудников СМЕРШа, они будут действовать под видом бандеровцев, а сами – уничтожать встретившихся боевиков. Что думаешь?

– Моё дело – выполнять приказы.

– И всё-таки?

– Сложно. Надо язык украинский знать, да и внешне сотрудники себя выдадут – причёски у них короткие, армейские. А у бандеровцев лица загорелые и обветренные, они же всё время на природе проводят. Запах опять же специфический – да много мелочей. Опытный глаз распознает. Служба безпеки у них есть, и не дураки там обретаются.

– Сам об этом думал и рад, что наши выводы совпадают. Но я тоже человек военный и вынужден подчиняться. Больше скажу – бригада партизан под командованием прославленного Ковпака тоже сюда перебрасывается.

– Ого!

– Потому принято решение – назначить тебя, Колесников, командиром одного из таких отрядов.

Сергей несколько минут молчал, переваривая услышанное. Да ведь это же полный провал! Какой из него руководитель отряда? Не знает ни местных условий, ни традиций, ни языка, и живого партизана не видел никогда.

– Майор, чего молчишь? У тебя двадцать человек в отряде будут, все из «чистильщиков» – с боевым опытом, и говорят на украинском или «суржике».

«Суржи́ком» называли в простонародье смесь украинского, польского и русского языков.

– Товарищ полковник, а как вы себе это представляете? Подчинённые язык знают, а я, командир, – нет?

– Да чего с ними долго говорить? Видишь – бандеровец, враг – убей без разговоров!

Сергей покачал головой.

– Вот что, Колесников, уговаривать я тебя не собираюсь. Есть приказ, и ты обязан его выполнить – у нас не колхоз.

– Так точно!

Сергей вскочил со стула и вытянулся.

– Другое дело! Тебя сейчас проводят – переодеться надо, не в форме же ты в лес пойдёшь.

Офицер-порученец отвёз Сергея на окраину Проскурова. Там, на территории пехотной части, в отдельном бараке располагался отряд «чистильщиков».

Офицер передал пакет старшему лейтенанту и откозырял. Офицер ознакомился с содержимым пакета, кивнул.

– Пройдёмте, товарищ майор, – он завёл Сергея в каптёрку.

– Раздевайтесь, будем одежду подбирать.

Сергея полностью переодели – начиная от немецких кальсон и до куртки немецкого егеря. Такую Сергей видел в первый раз.

– Очень удобная куртка, майор, меня добрым словом поминать будете. Тёплая, не промокает и не продувается.

– Так ещё же не зима.

– В лесу ночью уже прохладно. Оружие какое себе возьмёте?

– Автомат немецкий и «вальтер».

– Что-то у «чистильщиков» запросы одинаковые.

– Жизнь заставляет.

Сергей посмотрел на себя в зеркало. Вылитый бандит, только причёска подкачала, и щетины не хватает.

– А головной убор какой?

– Дай пилотку или кепи.

– Оуновцы кепи немецкие носят, с трезубцем вместо свастики.

– Вот и мне такое давай.

Он нацепил поношенное кепи, и теперь причёска не так бросалась в глаза.

– Товарищ майор, пойдёмте, я вас представлю личному составу.

Едва Сергей и старлей вошли в большую комнату, находившиеся там сослуживцы встали. Выглядели они довольно разношёрстно. Разная одежда – от телогреек до овчинных жилетов. У большинства – немецкие сапоги, потому что они удобны в носке и оставляют характерный след. Оуновцы такие любили.

– Вольно. Представляю вам командира вашей группы майора Колесникова.

Старлей вышел.

– Можно сесть, познакомимся.

В группе оказались люди разного возраста – от двадцати пяти до сорока лет. Сергей постарался запомнить фамилии.

– О предстоящей операции знаете?

– В общих чертах.

– Действуем под видом бандеровского отряда. Задача: при встрече уничтожать всех в лесах, и бандеровцев – в первую очередь; бандитов и дезертиров – тоже. С этого момента раз-

говаривать только по-украински или на «суржике». Выход на задание ночью. Проверьте оружие, патронов побольше, про гранаты не забудьте. Вопросы?

– Товарищ майор, это не вас Лешим прозвали?

– Меня, только это отношения к делу не имеет.

Вот черти, прознали уже про прозвище. А может, оно и к лучшему. Будут знать, что командир у них не из штаба, а такой же, как и они, «чистильщик».

Как только смерклось, Сергей объявил построение в комнате, осмотрел экипировку и вооружение.

– Не вижу пулемёта.

– Так приказа не было.

– Вы – Жоров, если не ошибаюсь?

– Так точно!

– Получите пулемёт, лучше немецкий МГ-34.

– Слушаюсь.

Сергей специально выбрал здоровяка. Пулемёт – железяка тяжёлая, во время марша, да по лесам вымотает кого хочешь.

– Остальным – попрыгать.

– Через скакалку, товарищ майор?

Это Пахомов, из молодых, потому и рот у него до ушей.

– Пахомов, лечь!

Весельчак улёгся, за плечами – «сидор» с бельём и продуктами, на груди – автомат.

– Десять раз отжался!

Громыхая оружием, Пахомов стал отжиматься, а группа вслух громко считала каждое отжимание.

«Чистильщик» встал с пола красным, со вспотевшим лбом.

– Пахомов, что-нибудь понял?

– Так точно, товарищ майор!

– Объясни друзьям.

– Надо было, не раздумывая, выполнить приказ.

– Выводы правильные. Кто ещё хочет поотжиматься? Нет таких? Тогда попрыгаем!

Навьюченные оружием и «сидорами» парни попрыгали. Получилось тяжело и шумно: брэнчало оружие, фляжки, запас патронов и бритвы в «сидорах».

– Господа бандиты! – пошутил Сергей. – Вас будет слышно издалека. Переложить груз в вещмешках, привести себя в порядок. Даю пятнадцать минут. Если после этого кто-то ещё будет звенеть и брэнчать, будете отжиматься. Время пошло! – Сергей демонстративно посмотрел на часы.

Бойцы судорожно стали рыться в «сидорах» и поправлять оружие.

Через четверть часа Сергей снова выстроил отряд, и бойцы снова попрыгали. Звуков стало значительно меньше.

– Чтобы я больше о соблюдении осторожности на марше не напоминал. Лесные люди – охотники, партизаны, националисты всех мастей передвигаются скрытно, бесшумно. Так и вам следует ходить. Идём гуськом, один за одним. Старайтесь наступать след в след и от группы не отходить.

– Вопрос можно?

– Разрешаю.

– Почему след в след?

– Чтобы на mine случайно не подорваться, и чтобы по вашим отпечаткам сведущий человек не мог определить численность группы. Ещё вопросы?

Отряд молчал, и Сергей продолжил.

– До первого ночлега группу веду я, днём – по очереди. Кто идёт первым – смотреть под ноги, националисты могут растяжки поставить. Увидел опасность – поднять руку, в этом случае все дублируют сигнал и застывают на месте. Рука ладонью вниз – всем лежать и приготовиться к стрельбе. От слаженности действий, взаимопонимания зависит жизнь каждого из вас. Мне бы хотелось после выполнения задания привести отряд на базу в полном составе, без потерь.

Сергею вдруг остро вспомнилось, как он в войсковой разведке ходил в рейды в немецкий тыл. Вот так же слушал командира, перенимал опыт. На фронте учатся быстро. Кто не смог – отсёлся по причине гибели.

Сейчас перед ним стояли офицеры СМЕРШа, и каждый из них прошёл суровую школу «чистильщика», но партизанского опыта или опыта разведчика полковой или дивизионной разведки не имел. Да, они были хорошо подготовлены для поиска и борьбы с вражескими агентами, диверсантами, террористами, и в ближнем бою не спасуют. Но война в лесу требует других умений.

– Выходим.

Сергей вышел из казармы, за ним – его отряд. Выйдя из расположения части, они направились к лесу. Сначала по грунтовой дороге, потом свернули на лесную тропинку. В лесу уже пришлось сбавить темп.

Сергей шёл осторожно, сначала ногой ощупывал перед собой землю – нет ли натянутой над тропинкой проволоки, и только потом ставил ногу. Выводить отряд в лес ночью было рискованно, но днём ещё хуже. Агенты оуновцев, проживающие в местечке, могли заметить выход группы. Если бы они были в форме, то это было бы в порядке вещей. Но группа с оружием и в разномастной одежде явно вызвала бы ненужный интерес.

Через час хода Сергей объявил привал и ночёвку. По его прикидкам они успели пройти километра три. Местность была незнакомой, ночью по карте сориентироваться сложно – уж лучше идти днём.

Уже с самого начала, после инструктажа Сергей решил не сидеть на одном месте, а постоянно передвигаться. На период действия отрядов начальство обещало не устраивать зачисток и облав и не посылать в лес военнослужащих, чтобы исключить возможность случайных перестрелок со своими.

Сергей устроился на ночёвку под елью – там почти всегда сухо, не то что под осиной; да и хвоя устилает землю, не так холодно. Под голову положил «сидор» – как в вылазке разведки в немецкий тыл. Конечно, был выставлен часовой, определён порядок смены караула.

Уже засыпая, услышал шёпот. Переговаривался кто-то из своих.

– Какой он «леший»? Зверюга какой-то. Заставил Пахомова отжиматься, как новобранца, а у лейтенанта две Красной Звезды.

– Тс, а то услышит. Давай спать.

Сон сморил быстро. Сергей давно выработал в себе привычку: есть возможность поспать – надо спать.

Едва начало светать, он проснулся и скомандовал вполголоса «Подъём». Позавтракали сухим пайком, не разводя костров, – дым в лесу издали можно учуять. Потому после завтрака, когда несколько человек попытались закурить, он им категорически это запретил.

– Вернётесь из леса – пожалуйста, не возражаю, а нынче забудьте о папиросах.

Сегодня впередиидущим Сергей поставил Пахомова. Идти первым не столько почётно, сколько рискованно и тяжело. Приходится постоянно быть в напряжении: куда поставить ногу, нет ли впереди засады – то есть надо непрерывно смотреть и слушать.

Сергей шёл вторым, с дистанцией десять метров. Ближе идти нельзя – могут одной автоматной очередью срезать несколько человек, или при подрыве мины искалечить или убить.

Однако, несмотря на то, что он шёл вторым, Сергей подстраховывал Пахомова. Лес слушал, смотрел под ноги и по сторонам. Смершевы сзади шли шумновато, но это был их первый выход в новой для себя ипостаси. Ничего, обомнуты, привыкнут, получится толк.

Сергей обратил внимание на небольшую стаю ворон впереди под деревьями. Он поднял руку – сигнал тревоги.

Группа застыла, лишь Пахомов продолжал идти. Сергей тоненько свистнул. Пахомов обернулся, и майор махнул ему рукой – ложись, мол. Лейтенант рухнул в высокую траву. И очень вовремя – впереди из-за деревьев раздалась короткая автоматная очередь. Стреляли из ППШ.

– Пахомов, гранату!

Лейтенант достал из кармана гранату, выдернул зубами кольцо и швырнул гранату вперёд. Громыхнул взрыв.

– Передать по группе: первый десяток вправо, второй – влево, развернуться в цепь и вперёд!

Его приказ передали дальше. Между деревьями замелькали фигуры его бойцов. Впереди ударил винтовочный выстрел, смершевы открыли огонь из автоматов. Стреляли экономно, короткими очередями.

Через несколько минут стрельба стихла. За деревьями обнаружили два трупа. Оба были в потрёпанной немецкой форме, но без документов. Первый погиб от брошенной Пахомовым гранаты, поперёк груди второго шла цепочка пулевых попаданий из автомата.

Бойцы подошли к убитым.

– Бандиты или бандеровцы, – уверенно заявил старший лейтенант Гвоздев.

– Почему так решили?

– Немцы документы свои берегут, а на шее цепочка с солдатским жетоном.

– Верно.

– Товарищ майор, а почему вы сигнал подали? Вы же вторым шли?

– Пахомов, попробуй ответить, почему?

Пахомов немного помолчал, раздумывая.

– Честно говоря, не пойму.

– Вороны над лесом летали. Они всегда, как падальщики, поживу чуют. Стало быть, впереди место боя, с убитыми. Армия эти места давно прошла, значит, бой не так давно был, может – вчера или позавчера. Могли живые остаться.

– Так просто! – сконфуженно сказал Пахомов. – Выходит, не только под ноги глядеть надо или по сторонам?

– Именно. Пахомов, вы где до войны жили?

– В Куйбышеве.

– Понятно. Сельский сразу бы насторожился. Следующим впереди идёт Ломидзе.

В группе это был единственный кавказец. Выглядел он, как рязанский или смоленский парень: веснушчатый, волосы рыжеватые, и говорил по-русски чисто.

– Есть.

Метров через двести они наткнулись на место скоротечного боя. Около отделения немцев прорывались из окружения к своим. Судя по разной форме, это были сбившиеся в группу военнослужащие из разных подразделений вермахта. Рядом с двумя пехотинцами лежал танкист в короткой чёрной курточке с розовыми кантами на погонах. Судя по зелёным погонам – традиционному цвету германской полиции, один убитый был даже из фельджандармерии. Поодаль лежали убитые оуновцы – почти все в немецкой форме, но без погон. Судя по положению тел, бой был встречный и неожиданный для обеих сторон. И обе группы – и немецкая и бандеровская – были по численности приблизительно равны.

Сергей после осмотра места боя усмехнулся. Вот так бы всегда – противники Красной Армии воевали бы друг с другом.

– Собрать патроны и продукты, если найдутся. Даю десять минут.

У оуновцев нашлось два караваея ещё не зачерствевшего хлеба и добрый шмат солёного сала. У немцев продуктов не было, зато патронов хватало.

Группа двинулась дальше. Далеко за полдень остановились на отдых. В первую очередь съели сало и хлеб – взятые с собой консервы не пропадут.

После обеда и небольшого отдыха снова двинулись в путь. Теперь Сергей вёл группу под прямым углом к прежнему маршруту – он помнил по карте выделенный ему для действий квадрат. В других квадратах действовали другие группы СМЕРШа.

Глава 3

Бутафория

Следующий день начался так же – завтрак и движение по лесу.

Довольно скоро впередиидущий поднял руку. Все замерли, а Сергей подошёл к дозорному.

– Растяжка, – почему-то шёпотом сказал старлей Двинянов.

Перед ним, поперёк направления движения, на уровне середины голени от земли виднелась проволочка. Причём растяжка была поставлена недавно, поскольку проволочка не успела покрыться даже налётом ржавчины.

Сергей пошёл по ходу проволоки. К дереву, метрах в пяти, оказалась привязана «лимонка» – довольно мощная оборонительная граната Ф-1.

В глухом углу растяжку не поставят. Скорее всего недалеко бандеровский схрон, а растяжка – способ оповещения о появлении чужого. Ну что же, раз хотят – оповестим.

Сергей передал по цепи: «Пройти вперёд сто метров и залечь, быть готовыми к бою», а сам перекусил проволоку небольшими пассатижами, которые носил в «сидоре».

Группа ушла вперёд и залегла. Сергей же развязал бечёвку, которой граната была привязана к дереву, нашёл в десяти шагах ямку. Скорее всего это была старая, обвалившаяся барсучья нора. Он выдернул чеку, кинул гранату в ямку и бросился подальше.

Ахнуло здорово, но осколки пошли вверх, только с деревьев листья обсыпались.

Сергей добежал до своей группы, шлёпнулся на землю у дерева и передёрнул затвор автомата.

Прошла минута, другая, десять, пятнадцать. Неужели он ошибся, сделал неправильные выводы?

Лежащий справа, в трёх метрах от него, капитан Рушайло прошептал:

– Командир, мелькает кто-то впереди.

И в самом деле, между деревьями мелькали тени: одна, другая – да их много, около взвода будет.

Когда фигуры приблизились, стало заметно – на всех советская форма. Всё чин чином: погоны, пилотки со звёздочками, оружие – наше, у большинства – ППШ.

– Свои, – облегчённо выдохнул Рушайло и попытался привстать.

– Лежать, – прошипел Сергей и громко скомандовал: – Огонь!

И сам первым нажал на спуск. Он провёл стволом по мелькающим фигурам, сняв сразу двоих. После некоторой заминки остальные смершевцы тоже начали стрелять.

Почему заминка вышла – понятно, форма советская в заблуждение ввела. А секундошка промедления помогла противнику сохранить бойцов.

С противоположной стороны тоже открыли огонь. Стреляли с обеих сторон экономно – стрелки явно были людьми опытными.

В перерыве между очередями с той стороны прокричали:

– Мы из армии! Сдавайтесь, сейчас придёт подкрепление!

– Пароль скажи! – спрятавшись за дерево, крикнул Сергей в ответ.

Во время инструктажа на случай непредвиденных встреч Сергею сообщили пароль. Знали его только командиры групп.

Но в ответ – только стрельба.

– Группа – закидать гранатами!

Смершевцы дружно метнули гранаты. Спустя несколько секунд после взрывов послышались стоны раненых.

Группа Сергея снова открыла огонь.

Не выдержав, противник начал отходить, причём отходить грамотно: пока одни отступали, другие прикрывали их огнём.

По отступающим открыл огонь пулемётчик из группы Сергея. Но прицельной стрельбе мешали деревья. Пули с чмоканьем впивались в стволы деревьев, сбивали ветки.

– Группа, ещё раз гранатами, и сразу – вперёд! – командовал Сергей.

У позиций противника разом взорвалось около полутора десятков гранат. Взлетела земля, деревья затянуло гарью и дымом. Смершевы молча поднялись в атаку, а потом почти в упор открыли огонь. Пять человек из числа прикрывавших отход были убиты.

– Группа, вперёд! От противника не отставать! Уничтожить из всех!

Сам Сергей быстро обыскал трупы. Документов, как он и ожидал, ни у кого не было. А согласно приказу те, кто в форме, должны иметь при себе личные документы. Форма, правда, на всех была советская, но вот сапоги – немецкие, квадратными гвоздиками подбиты. И железных набоек нет.

Сергей облегчённо выдохнул: «Всё-таки – враг!»

Мало ли – неразбериха произошла, на войне беспорядка всегда хватает.

Цепь смершевцев медленно шла вперёд. Умело шли, перебегая от дерева к дереву, укрываясь за толстыми вязами и тополями. Стреляли очередями по два-три выстрела, целились точно.

Противник огрызнулся автоматным огнём и отходил, неся потери. В ближнем бою, метров на пятьдесят-семьдесят, автомат хорош – он обеспечивает высокую плотность огня, а на больших дистанциях попасть в цель можно только случайно.

Выручил пулемёт. Не зря приказал Сергей взять МГ-34. Хотя и тяжёлая и неудобная в переноске железяка, но помогла здорово.

Настал момент, когда в живых остался только один враг.

– Обойти и постараться взять живым, – командовал Сергей. – Остальным – не дать поднять ему головы. Будет убегать – стреляйте по ногам.

Кольцо смершевцев сжималось, бойцы стреляли по одетому в советскую форму врагу. Было видно, как пули взрывали землю рядом с его головой. Какое там убегать, когда ему пошевелиться было невозможно?

Один из бойцов Сергея подобрался сбоку, чтобы не попасть под огонь своих.

– Прекратить стрельбу! – командовал майор.

Но парни, увидев Милащенко, сами уже прекратили стрельбу.

Лейтенант броском подскочил к противнику и наставил на него автомат.

– Шевельнётся, сука, – застрелю!

К пленному подбежали двое офицеров, живо заломили руки, сняли с него брючный ремень и связали. Чего-чего, а вязать смершевы умели быстро и крепко любым подручным материалом – опыт был большой.

Они поставили связанного на ноги, обыскали. Карманы пленного были пусты: ни документов, ни даже патронов.

Сергей подошёл вместе с остальными.

– Ломидзе, Двинянов, смотреть по сторонам.

Не хватало только, чтобы какой-нибудь отморозок, отбившийся от чужой группы, полоснул по ним очередью.

– Все живы?

Сергей заметил кровь на рукаве Милащенко.

– Ранен?

– Зацепило немного.

– Рушайло, перевяжи.

Капитан вытащил из «сидора» прорезиненный индивидуальный перевязочный пакет и занялся перевязкой.

– Ты кто такой? – обратился к пленному Сергей.

– Анищенко моя фамилия.

– Откуда?

– Из Харькова.

– Здесь как оказался?

– С вами, советскими, воюю, – с вызовом ответил пленный.

– Да это понятно. Откуда на тебе наша форма?

– Не знаю. Друже проводник нашёл где-то, велел всем переодеться. Говорил – так сподручнее.

– Грабить и убивать сподручнее. А население будет думать, что это наши войска бесчинствуют – грабят, насилюют, убивают. Так?!

– Так, – нехотя выдавил пленный.

– Ещё в лесу бандиты есть?

– Мы не бандиты, мы против немцев и Советов.

– Ты на вопрос не ответил.

– А пошёл бы ты, краснозадый! Сам поищи! Лес большой, может – найдёшь, а может – на пулю нарвёшься.

– Насчёт меня – ещё неизвестно, а ты уже нарвался.

Сергей вытащил из кобуры «вальтер» и выстрелил пленному в лоб. Никто из его отряда и бровью не повёл. Они в рейде, пленный не даст свободы передвижения, свяжет их по рукам и ногам. А отправлять пленного с конвоирами – слишком большая роскошь. Да и трибунал всё равно приговорит пленного к повешению или расстрелу – других мер к бандеровцам, захваченным с оружием, не применяли. Собаке – собачья смерть.

– Забрать патроны и харчи, если найдёте.

Смершевцы снимали подсумки с магазинами к немецким автоматам, если магазины были полными, и засовывали их в свои «сидоры» или за голенища сапог. С советскими ППШ такой фокус не проходил. К автомату прилагалось два круглых диска, и к другому автомату, даже этого же завода, они зачастую не подходили. Пунктуальные же немцы изготавливали оружие щепетильно точно, и магазины всегда подходили к любому другому автомату этой марки.

После боя патронов оставалось мало, и трофейные боеприпасы пришлось как нельзя кстати. Тем более что и у нашей, и у уничтоженной группы были и советские ППШ, и немецкие МР-40, правда – в меньшем количестве. Только винтовочных патронов к пулемёту не было, оставалась одна коробка с лентой на сто патронов – для одного короткого боя.

Еды в вещмешках убитых не оказалось, но истощёнными они не выглядели, из чего Сергей сделал вывод: в лесу есть схрон, база, на которой есть припасы, и не исключено – остались ещё националисты. Судя по количеству убитых, схрон должен быть большим. Маскируют их бандеровцы умело, но волей-неволей у мест подхода к люкам вытаптывалась трава.

– Всем собратся! – отдал приказ Сергей.

Группа собралась возле командира.

– Сейчас рассыплемся цепью, дистанция между бойцами – десять метров. Смотреть под ноги, не исключая, что бандеровцы поставили ещё растяжки. Ищем схрон, вероятно – недалеко, уж больно быстро они после взрыва гранаты появились.

На траву внимание обращайте, у люков она вытоптана будет. Ну и по сторонам поглядывайте, наверняка бандеровцы стрельбу слышали и сейчас настороже.

Они рассыпались цепью и медленно двинулись вперёд. Пройти успели не больше сотни метров, когда по цепи передали: «Командира на левый фланг».

Сергей поднял руку, и группа остановилась. Сам же Колесников направился на левый фланг.

Старлей Гвоздев показал ему на едва заметную тропинку, и недалеко от неё – пень. Другой бы внимания на него не обратил – мало ли в лесу пней? Только у этого отверстие сбоку было, отдушина из схрона.

– Молодец Гвоздев, наблюдательный!

Сергей подошёл к пеню, встал на колени и прижал ухо к отдушине. Вроде движение какое-то есть. Только где сам схрон? Сергей махнул рукой, подзывая группу.

– Ищите схрон, где-то недалеко должен быть люк или лаз. Вот отдушина, – он указал на пень.

– Эх, сейчас бы туда «Нептуна», – вздохнул кто-то. – Сами бы вылезли, только успевай тёплыми брать.

У Сергея в голове сразу мелькнула мысль.

– Наберите сухих веток и мха.

Приказу никто не удивился. Всё, о чём просил Сергей, было ему подано.

Он затолкал в отдушину ветки, сверху положил мох и чиркнул зажигалкой.

Сначала занялись веточки. Мох никак не загорался, но дымил изрядно, чего Сергей и добивался. Но дым шёл наружу, а надо было, чтобы внутрь.

Сергей снял сапог, приложил голенищем к отдушине и стал качать им, как кузнечным мехом.

Прошла минута, две, пять... Внезапно в десятке метров откинулась крышка люка, прикрытая дёрном – рядом будешь стоять, не заподозришь.

Недолго думая, младший лейтенант Ковальчук сорвал с пояса гранату и закинул её в схрон. Громыкнул взрыв. Из схрона вырвалось пламя, а из отдушины – тугая струя воздуха, дыма, каких-то опилок и мусора.

Сталкивались уже смершевцы с такими случаями. Открывается люк схрона или распадается дверь блиндажа, и оттуда вылетает граната. Но теперь они действовали на опережение и бросали гранату первыми.

Когда из схрона перестал валить дым, Сергей приказал двум офицерам спуститься и осмотреть бункер – там могли остаться документы и раненые бандеровцы.

Офицеры исчезли в тёмном зеве бункера.

Прошло несколько минут. Смершевцы приводили в порядок одежду, снаряжали магазины.

Вдруг под ногами вздыбилась земля, уши заложило от мощного взрыва. Никто не удержался на ногах, все попадали. Некоторые – те, кто был ближе к эпицентру взрыва, получили контузию. У людей из ушей текла кровь, и в первые минуты после взрыва они ничего не сообщали.

На месте бункера зияла огромная воронка, из склонов которой торчали куски брёвен. На самом дне воронки курилась дымом одежда на оторванной ноге.

Такого исхода никто не ожидал. Видимо, оставшиеся в живых после взрыва гранаты решили взорвать себя запасом взрывчатки вместе с опергруппой.

Отряд вмиг понёс потери: двое убиты – от них не осталось ничего, половина – контужены. Продолжать рейд стало невозможным.

Сергей получил только ушибы, и это можно было расценивать как везение. Он, как командир группы, решил прекратить операцию и вернуться на базу – добрый десяток офицеров нуждался в лечении в госпитале.

– Кто не ранен – оказать помощь товарищам.

Команда просто продублировала действия офицеров. Каждый из них уже побывал в боях и передрягах и теперь сновисто бинтовал головы и ноги.

– С раненых снять оружие и забрать себе. Каждый из уцелевших будет помогать раненому товарищу добраться до базы. Если потребуется отдых, сообщите. Я пойду в передовом дозоре.

Не дело командира идти впереди – при любой случайности группа может его лишиться, но выбора у Сергея не было. Сейчас он оставался самым опытным следопытом, на него ложилась большая нагрузка и ответственность. Стоит пропустить мину – и не избежать новой трагедии. Сергей и так корил себя в душе, что послал двоих парней в схрон, фактически – на смерть. Может, следовало забросать схрон гранатами? Не допустил ли он трагической ошибки? Теперь придётся писать в ОКР СМЕРШа рапорт о его решениях и действиях группы. Как ни крути, спрос будет с него, как с командира. Да что бумаги – ребят не вернёшь!

Обида на происшедшее глодала душу. Сергей мотнул головой, отгоняя горькие мысли. Не время для переживаний, надо оставшихся довести до базы, и желательно без новых потерь.

Они вышли на опушку леса, где ещё совсем недавно увидели переодетых бандеровцев. Устроили, скоты, маскарад, развели бутафорию! Если бы не инструктаж в ОКР, Сергей подпустил бы бандеровцев поближе. И тогда они с близкого расстояния могли бы внезапно расстрелять всю его группу. Уберегла судьба!

Сергей объявил привал – пусть отдохнут, перекусят. Сам же присел на траву и развернул карту. Надо было решить, как наиболее коротким путём добраться до крупного села, где должен быть телефон.

К Сергею подошёл Пахомов.

– Разрешите обратиться.

– Разрешаю, садись.

– Командир, не переживай. На их месте мог оказаться любой из нас – это война.

– Утешать пришёл?

– Да нет, я с предложением.

– Слушаю.

– Все вместе долго выбирать будем, колготно. Разреши – я один пойду. Доберусь до телефона, вызову помощь.

– Рискованно. Грохнут тебя в лесу, ещё один убитый на душу ляжет. И парни помощи не дождутся.

– Намного быстрее получится. Попроюсь осторожно, на тропы выходить не буду, а мины и растяжки в основном на них и ставят. А я бегом – я до войны бегал, спортсменом в «Спартаке» был.

Сергей обдумал предложение лейтенанта. Здравый смысл в нём был.

– Хорошо, лейтенант. Единственно прошу тебя: осторожнее, не только за себя отвечаешь – за контуженных и покалеченных товарищей.

– Так точно, товарищ майор! Разрешите идти?

– «Сидор» сними и оставь – легче бежать будет. А я присмотрю.

– Ага, а то последнее исподнее украдут, – пошутил лейтенант. Через несколько минут он быстро исчез в лесу.

Сергей захлопнул планшет с картой. Теперь оставалось только ждать.

Он посмотрел на часы. Половина второго. Пока Пахомов доберётся до села, дозвонится до отдела, пока доберутся машины – пожалуй, что сегодня до вечера не успеют. Скорее всего завтра утром придут.

Сергей встал.

– Кроме раненых – все ко мне!

Когда офицеры собрались, Сергей доложил о сложившейся обстановке.

– Машины будут не раньше утра. Назначаю караул. Менять друг друга будем каждые четыре часа. Свободным от караула заняться возведением шалашей для раненых – ночи уже прохладные.

Между деревьями сделали два больших шалаша, перекрыв их еловыми ветками. Хотя какое-то укрытие от ветра и ночной прохлады – даже от небольшого дождя. Потом развели костёр, сварили немудрящую похлёбку из тушёнки и американских крупяных концентратов; накормили раненых, поели сами.

Ближе к ночи послышался звук моторов. Часовой подал сигнал тревоги.

Прямо по луговине шли два грузовика «ЗИС-5». Они подбуксовывали на траве, но упрямо карабкались на небольшой пригорок. «Захары», как их звали на фронте, отличались надёжностью и хорошей проходимостью.

Они ещё не дошли до временной стоянки группы, как открылась дверца, и на подножку встал Пахомов. Он размахивал рукой в приветствии.

Сергей и офицеры удивились – никто не ожидал грузовики к вечеру.

Когда они подъехали, Пахомов спрыгнул с подножки. Лицо его сияло.

– Товарищ майор, вот – помощь привёл.

– Молодец!

Сергей повернулся к офицерам:

– Грузите раненых. Пахомов, ты как ухитрился?

– Повезло, лошадь в деревне на время взял.

Сергей вскинулся.

– Ты что, в своём уме? Под трибунал попасть можешь!

– Зачем же? Я расписку написал, всё честь по чести. Завтра верну.

– Ну-ну.

Погрузку раненых закончили. Сергей распределил офицеров по машинам. По ночам передвигаться по лесу было не просто рискованно, а чрезвычайно опасно. Стреляли по фарам, по кабинам. А когда грузовик терял ход, бандеровцы расправлялись с пассажирами.

Сергей наказал водителям:

– Будут стрелять – пригибайтесь, но не останавливайтесь.

– Знаем, товарищ командир, не в первый раз.

Машины двинулись назад. На неровном, кочковатом лугу их немилосердно трясло, и раненые стонали от боли. Но выбора не было, необходимо было убраться из леса как можно скорее.

Вскоре выбрались на дорогу. Тут уже получше стало. Ехали по своим же следам, хорошо видимым на пыльной дороге при свете фар. Офицеры, которые не пострадали при взрыве бункера, сидели по углам кузовов, держа оружие наготове.

К облегчению Сергея, до города они добрались без приключений. Не медля ни минуты, машины направились к госпиталю.

Офицеры помогли выгрузить раненых, занести их в сортировочное отделение. Потом забрали свои вещмешки, оружие и двинулись на базу.

Улицы были пустынные и темные. Освещение не работало, действовал комендантский час.

В казарме все повалились на кровати, едва стянув сапоги. За рейд было пройдено много километров, и, хотя он был коротким, все вымотались.

Сергей представил, как они пешком, да с ранеными и контуженными до сих пор шли бы по лесу, и его передёрнуло. Молодец Пахомов, надо будет отметить в рапорте.

Утром, после умывания и скудного завтрака из запасов Сергей приказал офицерам привести себя в порядок, а сам отправился в ОКР. Надо было доложить о неудаче, написать рапорты и объяснительные.

С тяжёлым сердцем зашёл Сергей в отдел СМЕРШа. Навстречу ему попался полковник Глина.

– А, Колесников, заходи. Что-то ты быстро из рейда вернулся.

– Беда у нас, товарищ полковник. Нашли схрон, закинули в люк гранату. После взрыва я послал двух офицеров бункер проверить. Да, видно, из бандеровцев кто-то в живых остался, взорвали они и себя, и моих людей. Видно, взрывчатки много у них оказалось. Половина личного состава группы, которые наверху стояли, оказались ранены и контужены. Они этой ночью в госпиталь были доставлены, а восемь человек на базе.

– М-да, – полковник посерьёзней. – А что удалось сделать?

– Около взвода бандеровцев уничтожили – они в советскую форму одеты были.

– Да? Покажи на карте, где?

Сергей достал карту, показал.

– Хм, да ведь это та группа, которую мы давно ищем. То в село выйдут под видом наших и активистов вырежут, а то на станцию. Железнодорожная охрана их спокойно пропустила, а они работников станции перестреляли, и эшелон, стоявший на путях, гранатами закидали и подожгли. Ладно, пиши докладную – что да как. Вот бумага.

Полковник вышел, а Сергей подробно написал о двух убитых бандеровцах в немецкой форме и бое с переодетыми националистами.

Вновь вошедший полковник прочитал написанное, хмыкнул.

– Твоей вины не усматриваю. А что потери – так мы на войне. Главное – людей потерял не из-за ошибок или разгильдяйства. Сейчас с тобой на базу следователь пойдёт, личный состав группы опросит.

– На меня уже дело завести успели? – удивился Сергей.

– Нет, но все твои действия должны быть подтверждены. Если всё было так, как ты излагаешь, то обойдётся. Скажу по секрету – ушло в леса четыре группы в разные квадраты. Одна погибла на второй день, полностью, вторая вчера вернулась – шесть убитых и четверо тяжело-раненых. От третьей группы пока сообщений нет. Так что у тебя ещё не самый плохой расклад.

Следователь оказался парнем въедливым. Он дотошно расспрашивал членов группы об их действиях, заносил их показания в бумаги. Особенно интересовали его приказы Колесникова.

Вызывали в комнату следователя по одному. Когда офицеры поняли, что происходит неладное – вроде как все вопросы с каким-то сомнительным подтекстом, – они подошли к Сергею.

– Командир, что происходит? Мы понимаем, после зачистки положено рапорт писать. Но по всему похоже – тебя виноватым сделать хотят за взрыв бункера.

– Начальство разберётся.

– Ага, знаем мы их. Они все неудачи или потери свалят на тех, кто на земле. В штабе сидеть проще.

– Бунт на корабле? – усмехнулся Сергей. – Не будем спешить с выводами, наберёмся терпения.

– Командир, мы не первый день в СМЕРШе. Каждый боевые награды имеет, разных начальников видели. Ты хорошо группу вёл, и в гибели офицеров нет твоей вины. Ребят, конечно, жалко, но ведь войны без потерь не бывает.

– За поддержку, парни, спасибо, но мы военнослужащие, решения не на собраниях принимаются, и вы это сами знаете. Будем ждать.

Два дня группа отдыхала, а Сергей маялся в неизвестности. На третий день его вызвали в ОКР.

Сергей зашёл к полковнику, доложил о прибытии.

– Пойдём! – коротко бросил Глина.

Сергей шёл за полковником и гадал – куда идут? Оказалось – к начальнику, генерал-майору Осетрову.

– Здравия желаю, товарищ генерал! – отчеканили оба.

– Садись, Израиль Ильич.

Полковник уселся на стул, положил на стол перед генералом пачку бумаг. «Бумаги следователя и моя докладная», – догадался Сергей. Он стоял навывтяжку.

Генерал-майор окинул его взглядом.

– Так это и есть майор Колесников?

– Так точно.

– Что по нему? – теперь вопрос генерала относился уже к Глине.

– Личной вины командира группы не усматриваю, – коротко доложил полковник.

– Тогда отправляйте с группой на зачистку. Удачи тебе, майор! – Генерал вышел из-за стола и, подойдя к Сергею, пожал ему руку.

Сергей покинул кабинет начальства с ощущением, что он как будто бы сбросил с плеч тяжкий груз. Вины за собой он и раньше не чувствовал, но ведь не он решает – начальство.

Он дождался, когда из кабинета генерала выйдет полковник.

– Пойдём ко мне в кабинет:

В кабинете полковник продолжил.

– Назначаешься командиром группы. Пополнение из офицеров прибудет сегодня и завтра. Действовать будете в этом квадрате, – полковник подошёл к карте, висевшей на стене за шторкой, откинул её и обвёл карандашом район действия группы. – До определённого места вас доставят на машинах, а дальше уже сами. С вами пойдёт радист. Какие-нибудь выводы из предыдущего рейда сделал?

– Жёстче действовать, гранат не жалеть.

– Молодец, что понял.

– Новые условия; я никогда раньше со схронами не сталкивался, опыта нет. Да и националисты хуже немцев. Те в безвыходном положении сдаются, а эти или пулю себе в висок пускают, или подрываются. Упёртые!

– Верное словечко подобрал. Удачи!

Сергей отковырял и вышел. На душе было легко, можно сказать – пела душа. Вроде впереди рейд по лесам, и неизвестно ещё, как всё повернётся, а настроение хорошее.

На базе офицеры его группы, увидев Сергея, сразу устремились к нему с вопросами:

– Ну как?

– Обошлось бумагами, даже не наказали.

– Поздравляем, командир!

Они жали Сергею руку и хлопали его по плечам. Другой бы за панибратство счёл – всё-таки они подчинённые, младше по званию и возрасту, а Сергей доволен был. Стало быть, признала его группа, переживала за него. А ведь он поперва строг с офицерами был, потому как уберечь их жизни хотел.

Ближе к вечеру начало прибывать пополнение – офицеры СМЕРШа, прикомандированные к группе. Они переодевались, получали оружие.

Сергей выпросил у снабженца пару ящиков гранат и несколько дымовых шашек.

– Зачем столько гранат? Вы что, товарищ майор, рыбу глушить надумали?

– Именно – в схронах.

Офицеры прибывали и на следующий день. Группа разрослась до двадцати пяти человек.

После бесед с вновь прибывшими Сергей понял – его группу дополнили офицеры из групп, понёсших потери и расформированных. Офицеры, ранее побывавшие с Сергеем в рейде, экипировались уже со знанием дела. Они взяли телогрейки, чтобы не мёрзнуть по ночам, и ножи в ножнах.

Вечером подошли два грузовика, и с ними прибыл радист, совсем молоденький ефрейтор. Он бережно поставил рацию на стол, вытянулся по стойке «смирно» и доложил о своём прибытии.

– Вольно! Иди в каптёрку, подбери себе гражданскую одежду. Автомат оставь, возьми только пистолет. Пешком много ходить придётся, а у тебя рация тяжёлая.

– Есть!

Сергей построил группу.

– Все готовы?

– Так точно!

– Попрыгали!

На этот раз обошлось без шуток. И подготовились основательнее – ни у кого ничего не стучало, не брнчало. Предыдущий опыт пошёл на пользу.

– Пахомов!

– Я!

– С нами будет радист – поручаю его тебе. Береги, как зеницу ока, чтобы бегать больше не пришлось. Кстати, коня вернул?

– Обижаете, товарищ майор! На следующий же день!

– Тогда по машинам.

Часа два они ехали по ухабистому грейдеру, потом машины остановились.

– Приказано высадить здесь, товарищ командир, – извиняющимся тоном произнёс уса-
тый, в годах, водитель.

– И за это спасибо.

Группа покинула машины и углубилась в лес. Далеко от дороги они не отходили, опасаясь наткнуться на мины или растяжки.

Утром, после завтрака группа двинулась в глубь леса. После двух часов хода наткнулись на место бывшего боя.

Сначала все почувствовали запах тления. Офицеры закрутили головами. Сергей посплю-
нявил палец и поднял его вверх, пытаясь определить, откуда дует ветер.

Группа повернула влево, и офицеры увидели трупы – много. Все были в гражданской
одежде, только на одном трупе был немецкий мундир без погон.

К Сергею подошёл офицер из пополнения:

– Товарищ майор, здесь бандеровцы и наши, из СМЕРШа.

– Откуда знаешь?

– Я одного убитого опознал, вместе с ним в Куйбышеве учился. Он в другой группе в
рейд уходил.

Сергей вспомнил, что полковник Глина говорил об одной невернувшейся группе. Так вот
почему она не вернулась! Наткнулась на большую группу бандеровцев и вся погибла.

Сергей нашёл на карте и отметил карандашом место гибели группы.

– Разворачивай рацию, – приказал он радисту. О таких происшествиях следовало сооб-
щать начальству. Надо было забрать и похоронить офицеров, чтобы они не числились без вести
пропавшими.

– Есть связь! – доложил ефрейтор.

– Передавай: в квадрате 26–17 обнаружена погибшая группа СМЕРШа. Один из офице-
ров опознан сослуживцем.

– Передают ответ: высылают два грузовика за телами и отделение солдат. Просят выслать
на дорогу встречающего и обеспечить охрану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.